

A dramatic movie poster for 'The Day After Tomorrow'. The central focus is a tall, modern skyscraper with a grid-like facade, which is engulfed in intense orange and yellow flames. Thick white smoke billows from the burning sections of the building. In the upper left corner, a helicopter is seen flying against a sky filled with dark, ominous clouds. The bottom of the image is dominated by a large, 3D block-letter title in a metallic, weathered font, resting on a pile of rubble and debris. The overall color palette is dominated by the fiery oranges and yellows of the flames, the greys of the smoke and rubble, and the dark tones of the sky.

Илья Шумей

НАШЕ ВРЕМЯ

Страна Овец

Илья Шумей
Падшие из ада

«Accent Graphics communications»

2018

Шумей И. А.

Падшие из ада / И. А. Шумей — «Accent Graphics communications», 2018 — (Страна Овец)

Только счастливым обитателям жилого комплекса «Айсберг» доступна уникальная привилегия – взирать на копошащийся у их ног мир с высоты полутора километров. Мало кто может позволить себе такую роскошь, двери взметнувшегося до облаков шедевра инженерной мысли из стекла и стали открываются лишь перед избранными. И исключительно перед теми, кто прошел Психокоррекцию, избавившись от своих пагубных страстей и скверных привычек. А потому в «Айсберге» людям, наконец, удалось реализовать извечную мечту о совершенном обществе, где царят роскошь, комфорт и безопасность. Однако пороки, изгнанные Психокоррекцией из людских душ, никуда не исчезли. Они просто затаились, ожидая удобного момента, чтобы, вырвавшись на свободу, превратить этот рукотворный Эдем в триста этажей безумия. Роман «Падшие из ада» – возвращение в Страну Овец.

© Шумей И. А., 2018

© Accent Graphics
communications, 2018

Содержание

Падшие из ада	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Илья Шумей

Падшие из ада

* * *

Т/О «НЕФОРМАТ» Издат-во Accent Graphics Communications, Оттава, 2018

Электронное издание

Падшие из ада

Размеренный шелест волн шептал в уши, и, казалось, стоит только прислушаться чуть внимательней, как вкрадчивое шуршание сложится в отдельные слова и даже целые фразы. Нужно лишь расслабиться и продолжать плыть, покачиваясь в неспешном ритме колышущегося моря...

Стоп! Море? Откуда здесь море?

Эдуард открыл глаза и уставился на незнакомый дощатый потолок, спешно перематывая воспоминания назад в поисках того момента, где оборвалась пленка, но никаких провалов в своей памяти не обнаружил.

Брат накануне вернулся поздно, но они все же успели опрокинуть пару рюмочек и обсудить текущие дела перед отходом ко сну. Каких-то безумных идей им в головы не приходило, а отправиться на отдых они собирались только в следующем месяце...

Эдуард повернул голову и застонал от пронзившей ее боли. Потревоженная черепашка загудела точно осиное гнездо, в которое ткнули палкой. Он даже зажмурился, ожидая, пока спадет острый приступ, но все же успел рассмотреть небольшую аккуратную комнату, обставленную плетеной мебелью, и покачивавшиеся за окном пальмовые листья.

Что за чертовщина!? Куда его занесло!? Как!?

Постепенно чугунные шары, ошалело скакавшие в черепной коробке, уgomонились, и Эдуард рискнул предпринять еще одну попытку. Двигаясь предельно осторожно и медленно, он спустил ноги с кровати и сел. Перед глазами все плыло и двоилось, как будто он с вечера в одиночку уговорил целый винный погреб. На тумбочке у изголовья обнаружился стакан с водой и упаковка таблеток от головной боли рядом с ним. Причем таблеток не абы каких, а его персональных, о чем свидетельствовал код на боку коробочки. Кто-то, возможно, что и он сам, заранее знал, как тяжело придется ему поутру, а потому загодя оставил их здесь.

Но кто? Сам Эдуард, как ни силился, так и не смог вспомнить ничего, что помогло бы пролить свет на события вчерашнего вечера.

Не имея в данный момент ни малейшего желания спорить с безвестным доброжелателем, Эдуард закинул в рот сразу две пилюли и запил их.

Его босые ноги задели что-то на полу. Наклонившись, он обнаружил на коврикe свои сандалии, которые всегда одевал на пляж. Но в обычное время они хранились в чемодане, ожидая очередного выезда на побережье, а сам чемодан томился в городской квартире. Как его обувь оказалась здесь вместе с ним, если накануне он лег спать в загородном доме?

Туман в голове тем временем потихоньку рассеялся, и Эдуард рискнул встать, хотя даже такое простое действие далось ему непросто. Все тело немедленно принялось жаловаться на жизнь, словно ему уже перевалило за восьмой десяток, либо... либо он пролежал в постели гораздо дольше, чем ему кажется.

Подождав, пока с глаз спадет застлавшая их темная пелена, Эдуард осмотрелся. Помещение чем-то напоминало их семейное летнее бунгало, но только напоминало. Такая же стилизация под скромное рыбацкое жилище, под неказистую внешнюю обертку которого скрываются все блага цивилизации и самые современные технологии комфорта.

Рядом с кроватью находился выход на просторную веранду, и Эдуард, откинув колышущиеся на ветерке занавески, вышел на улицу. Его еще слегка покачивало, и рукой он придерживался за стену, чтобы не упасть.

Прямо перед ним вниз сбегали ступеньки, за которыми тянулась обрамленная пальмами дорожка, и дальше, в просветах между чешуйчатыми стволами, открывался бескрайний океанский простор. Оглянувшись, Эдуард заметил, что дом, где он спал, не ограничивается одной комнатой и занимает весьма немалую площадь – веранда тянулась в стороны метров на два-

дцать, не меньше. Чуть левее на ней виднелись пустые кресла, расставленные вокруг небольшого столика, а за аккуратно подстриженной зеленой изгородью угадывался открытый бассейн с вышкой для прыжков. Но, как Эдуард ни крутил головой, он не обнаружил ни одного отдыхающего или хоть кого-нибудь из obsługi.

Во всем происходящем чувствовалась некая неправильность, и он, наплевав на условности, как был, в одних трусах и сандалиях зашагал по дорожке в сторону моря. Требовалось как можно скорее внести ясность и получить ответы на самые насущные вопросы – где, как и, черт подери, когда!?

Пляж встретил его девственно чистой гладью белого песка. От того места, где заканчивались уложенные плитки, к берегу не уходило ни единого следа, а Эдуард, в отличие от Робинзона Крузо, уже почти скучал по отпечаткам чьих-нибудь ног. Впереди он видел зонтики и шезлонги, но создавалось впечатление, что они стояли тут со времен сотворения мира, и за тысячи лет к ним ни разу не прикоснулась рука человека.

Где-то в районе желудка Эдуард ощутил неприятный зуд от предвкушения новых открытий, которые вряд ли его обрадуют. В голове у него выстроилась уже целая очередь подозрений, но прежде он все же хотел собрать побольше фактов.

Звонко шлепая сандалиями по дорожке, он почти побежал обратно к дому. Завернув за угол, Эдуард вышел к бассейну с такими же расставленными вокруг лежаками и автоматическим баром на противоположной стороне. И вновь никого.

Он обогнул прыжковую вышку и, подойдя к стойке бара, заказал себе мартини. В недрах автомата послышалось негромкое жужжание и клацанье, завершившееся появлением на столе слегка запотевшего бокала. Эдуард осушил его одним жадным глотком, и пустой бокал немедленно исчез в нише для грязной посуды. Все опять стихло.

Эдуард зашагал дальше, продолжая исследовать территорию, но потом не выдержал и побежал.

Он миновал теннисный корт с застывшим в углу автопартнером на сложенной длинной штанге, спа-комплекс с беседками и журчащими ручейками, пруды, где лениво шевелили плавниками пухлые карпы, стрельбовую площадку, за которой открылось поле для гольфа. Эдуард остановился, жадно хватая ртом воздух и рассматривая раскинувшийся перед ним волнистый зеленый простор. Каменистые россыпи, пара песчаных ловушек, электрокар с полным багажником клюшек, ожидающий прямо у дорожки – буквально все говорило ему: «успокойся, расслабься и просто наслаждайся отдыхом». Он прищурился, обшаривая взглядом поле в тщетной надежде найти хоть одного живого человека, но вдруг запнулся, заметив светлые просветы между деревьями на дальней стороне.

Неожиданная догадка буквально оглушила Эдуарда. Он уже хотел, очертя голову, бежать туда прямо по газону, но, поразмыслив секунду, развернулся и помчался назад к бассейну. Вихрем взлетев на вышку, он вскинул руку к глазам, прикрывая их от палящего солнца, и осмотрел горизонт.

Со всех сторон его окружала искрящаяся океанская гладь без конца и края. Он находился на острове!

Вот те на!

Происходящее с каждой минутой нравилось Эдуарду все меньше и меньше. Он до сих пор не встретил ни одного живого человека и все больше утверждался в мысли, что оказался здесь один-одинешенек. Но для полной уверенности он должен был выяснить это наверняка.

На то, чтобы обойти окрестности, заглядывая под каждый куст, ушла бы уйма времени, но Эдуард знал более быстрый способ. Да, брат выступал резко против подобных трюков, настойчиво требуя от него воздерживаться от использования способностей, и Эдуарду пришлось упражняться тайком, пока Александра не было поблизости, но сейчас ситуация вполне оправдывала использование некоторых запрещенных приемов.

Эдуард прикрыл глаза, чтобы ничто не мешало сосредоточиться, и на несколько секунд затаил дыхание. Вроде бы ничего не изменилось, но внезапно все вокруг огласили пронзительные птичьи крики, с окрестных деревьев в воздух взвились тучи охваченных страхом пернатых. Карпы в пруду начали метаться, вздымая фонтаны брызг, словно им в воду кто-то плеснул кипятка.

Сознание Эдуарда раскатилось по острову, обшаривая его самые дальние уголки, цепляясь за перепуганные искорки всякой мелочевки вроде птиц, ящериц и рыб, но не смогло нащупать ни одного разума, принадлежащего человеку. Он действительно являлся единственным обитателем этого затерянного в океане райского уголка.

И такое положение дел уже нельзя было списать на нелепое недоразумение или чью-то глупую шутку. Вне всяких сомнений Эдуарда сослали сюда намеренно. И повернуть такой фокус не смог бы никто, кроме его родного брата.

Солнце ощутимо припекало, но вспотел Эдуард не только от жары. Подобный поворот кого угодно из колеи выбьет. Он провел рукой по мокрым волосам и шее...

И замер, нащупав небольшой бугорок справа от гортани.

Он медленно и крайне осторожно отнял руку, но, чуть погодя, все же решился на более тщательное обследование и обнаружил еще один такой же бугорок с левой стороны. В принципе, на этом большинство мучавших его вопросов можно было считать ответченными. Как в хорошем анекдоте, когда вся соль кроется в самом последнем слове, одна-единственная деталь прояснила все. Оставались еще отдельные нюансы, но они представлялись несущественными и общей картины уже не меняли. Пришло время пообщаться с авторами скверного спектакля.

Эдуард спустился с вышки и направился обратно к дому, непрестанно прокручивая в уме все то, что он собирался сказать своим тюремщикам, и все больше распаляясь. Поднимаясь по ступенькам веранды, он уже почти шипел от бешенства.

– Эдуард Георгиевич, – выкатился ему навстречу робостюард, – Вас ожидают в конференц-зале.

– Подождут, не сломаются, – огрызнулся Эдуард, – где моя одежда?

Как ни крути, а праведный гнев в одних трусах смотрится все же нелепо и жалко.

Процедура приведения себя в должный вид, однако, несколько затянулась. У Эдуарда ушло минут пятнадцать только на то, чтобы разобраться со своим новым обиталищем и выяснить, где что находится. Его брат долго не раздумывал и свез сюда все его личные вещи как из семейного особняка, так и из городских апартаментов. Теперь все было аккуратно разложено по полочкам и развешано по вешалкам, отчего Эдуард далеко не сразу разобрался, что к чему. Дома он привык бросать одежду где придется, но всегда помнил, в каком именно месте он оставил ее накануне.

В очередной раз ощупав свою шею, он решил еще и побриться, а потом и помылся заодно. Судя по длине щетины, его *отсутствие* продолжалось не менее трех суток, на что недвусмысленно намекал и недовольно ворчащий желудок.

Брился Эдуард как никогда осторожно. Два злобещих бугорка на шее заставляли манипулировать бритвой максимально деликатно, чтобы их не потревожить. Насколько он знал, система работала исключительно надежно, иначе Александр не использовал бы ее при всяком удобном случае, но все равно руки у Эдуарда слегка подрагивали.

В итоге на виртуальную арену, превращенную сейчас в зал для совещаний, Эдуард явился без малого через час. А за прошедшее время его ярость слегка поутихла, оставив после себя холодную озлобленность. Да, он по-прежнему жаждал восстановления справедливости, жаждал мести, но отнюдь не собирался доставлять удовольствие своим оппонентам, впадая в истерику или умоляя о прощении. Ведь невозможно быть одновременно пугающим и жалким. Лига откровенно его побаивалась, и он не желал ее разочаровывать.

Эдуард прошествовал в центр арены, где робостюард установил для него кресло, и сел. Перед ним широким полукругом светились голопроекции остальных членов Совета с Александром в центре. Он все-таки заставил их ждать, и они стерпели, не разбежались!

– Я вас слушаю, – Эдуард положил руки на подлокотники, стараясь держаться максимально расслабленно и непринужденно. Как будто ничего и не случилось. Как будто его не забросили невесть куда, на крохотный необитаемый островок посреди океана, и не имплантировали рядом с сонной артерией парочку маленьких радиуправляемых бомб.

Ответное слово ожидаемо взял его брат.

– Первым делом я хотел бы извиниться за то, как мы с тобой обошлись, но, к сожалению, ты не оставил нам выбора.

Эдуард оторвал одну руку от подлокотника и снова уронил ее обратно, словно говоря, что любые слова тут бессильны. Так и не дождавшись от него иной реакции, Александр продолжил:

– Кстати, должен сразу тебя предупредить – видеосигнал с твоей стороны в реальном времени не передается, только отдельные кадры, а все, что ты говоришь, ретранслируется в текстовом виде. Так что оставь любые попытки оказать на нас воздействие, это не сработает.

– И в мыслях не было, – соврал Эдуард, больше раздосадованный тем фактом, что почти все его приготовления с бритьем, мытьем и переодеванием оказались напрасны.

– Я так им и сказал, – соврал, в свою очередь, Александр, – но они настояли на полной изоляции, поскольку никто толком не знает пределов твоих возможностей. Устав терпеть твои художества, Совет Лиги потребовал отправить тебя в ссылку. Ты, Эдик, начинаешь представлять угрозу для общества, а мы, как ты знаешь, пойдем на что угодно ради обеспечения безопасности людей.

– Даже на это? – Эдуард указал на свою шею, но, сообразив, что его не видят, уточнил, – даже на «страховку» одного из своих членов? Кому в голову пришла столь замечательная идея?

– Решение принималось совместно. Ключ от одного из зарядов – у меня, от второй – у Старшего Арбитра. Для активации требуются оба.

– Вы даже друг другу не доверяете?

– Знаешь, ты сумел привнести в наш коллектив редкостное единодушие. После того, как ты заставил утопиться собаку нашей соседки, все сомнения отпали.

– Ее круглосуточный лай сводил меня с ума!

– И ты не придумал ничего лучше, как загнать несчастное животное в бассейн и гонять ее там по кругу, пока она не выбилась из сил и не захлебнулась? – Александр сокрушенно покачал головой, – твои прошлые «шалости» также доставляли немало головной боли, но ты, по крайней мере, не *убивал*. Тем более не имея прямого зрительного контакта и с такого значительного расстояния.

Эдуард недовольно поджал губы. В тот раз он действительно не сдержался и тем самым невольно выдал свои существенно возросшие способности. С самоконтролем дела у него всегда обстояли неважно.

– Ах, вон оно что! – протянул он, – то есть вам на самом деле не собачку жалко – вы просто меня испугались? Или же обиделись, что я с вами своими секретами не поделился?

– Ты являешься источником опасности для окружающих, – повторил Александр, – а поскольку на сотрудничество ты идешь крайне неохотно, то нам не оставалось ничего другого, как изолировать тебя, пока ты сгоряча не утопил еще кого-нибудь.

– И вы всего за неделю отгрохали для меня этот шикарный изолятор? – Эдуард недоверчиво приподнял бровь, – с гольф-клубом и прочими прелестями? Или же ваши планы на мой счет имеют куда более давнюю историю?

– Эту тихую гавань я готовил для себя на случай внезапной старости, – его брат почесал нос, как будто чувствовал себя немного неловко за создание тайного уютного гнездышка, – так что подвохов можешь не опасаться – там все сделано на высшем уровне.

– Подвохов, значит, не опасаться, да? – Эдуард начал закипать, – после того, как вы, втихомолку сговорившись за моей спиной, усыпили меня и сонного зашвырнули на край света, вдобавок «застраховав» меня, словно я ваш раб, ваша собственность, у вас еще достаёт наглости говорить, чтобы я не опасался подвохов!? То есть вы в следующий раз даже таиться не станете и разделаетесь со мной в открытую!?

Он вскочил на ноги, в бессильном гневе сжимая и разжимая кулаки. Его лицо покраснело, а донесшийся с улицы птичий гомон давал понять, что Эдуард себя уже не контролирует, и его безудержная ярость рвется наружу безо всякой оглядки на былые нормы и ограничения.

– Эдик, успокойся, – попытался утихомирить его брат, но безуспешно.

– Это ты им должен был говорить! – Эдуард взмахом руки обвел проекцию членов Совета, – это они должны были успокоиться и не учинять того паскудства, что они сотворили со мной! И так постоянно держали меня на коротком поводке, следя за каждым моим шагом и требуя, требуя, требуя...

– И за все это время мы не узнали от тебя ровным счетом ничего! – подала голос проекция Старшего Арбитра, – ты дал слово обучить нас своей технике, но все, что мы от тебя слышали – лишь общие рассуждения без какой-либо практической конкретики! Ты злоупотребил нашим доверием и бессовестно водил нас за нос! Какой благодарности ты от нас ждал после этого!?

– Как я могу обучить вас тому, чего и сам не понимаю!? – закричал Эдуард, потрясая кулаками, а окружающий остров коралловый риф вскипел от беснующейся в ужасе рыбы, – как объяснить слепому разницу между синим и зеленым!? Как описать глухому величие Пятой Симфонии Бетховена!? Как!? Я пытался разобраться в своем даре, систематизировать свои ощущения, пытался *понять*, но вы запретили мне и это, сославшись на опасность моих упражнений! Вы оставались глухи ко всем моим попыткам донести до вас сложность задачи и необходимость дополнительных исследований! Во всем, что бы я ни предлагал, вам мерещился злой умысел, мерещился... *подвох*. Что мне оставалось делать!?

– Взаимодействуя с такими стариками, как мы, тебе Эдик, следовало набраться побольше терпения, – Александр решил немного разрядить обстановку, – нам же под каждым кустом волк мерещится.

– И неудивительно, – фыркнул Эдуард, но все же сел обратно, – где-то на уровне инстинктов вы чувствуете, что ваша власть небезгранична и, по большому счету, довольно хрупка. Слишком много рисков таится в ее тени, далеко не все последствия принимаемых решений вы способны просчитать в полной мере. Да вы и не пытаетесь. Мчитесь по автострате за рулем дорогого спорткара, наслаждаясь мощностью его мотора, даже на секунду не задумываясь о том, что ждет вас за следующим поворотом. Однако природное чутье ехидно подсказывает, что слишком уж все гладко. Подозрительно гладко. Вы гоните прочь свои пустые подозрения, но они возвращаются снова и снова. Отсюда и ваша неуверенность и страх перед всем, что может вашу власть так или иначе поколебать.

– Ты полагаешь, что знаешь способ этих рисков избежать? – Старший Арбитр заинтересованно наклонил голову.

– Нет, но я предлагал инструмент, который в перспективе помог бы с ними справиться. Но у вас самих не хватило *терпения*.

– Что ж, теперь у всех нас более чем достаточно времени, чтобы как следует подумать и разобраться в себе.

– О, да! Уж чего-чего, а свободного времени у меня теперь в избытке!

– Эдик, постарайся взглянуть на вещи с другой стороны, – пришел на подмогу Александр, – ты лучше возьми себе за образец Эдмона Дантеса, который не терял времени зря и после многолетнего заключения в замке Иф вышел на свободу совершенно другим человеком – хладнокровным и уверенным в себе графом Монте-Кристо.

– Ты сказал – многолетнего?

– Тут уж все зависит только от тебя. Чем скорее ты научишься держать свою силу в узде и разберешься, как ею управлять, тем скорее окончится твоя ссылка. Там ты можешь экспериментировать, не опасаясь причинить вред кому-либо, и мы не собираемся тебя никоим образом ограничивать. Настанет день – и ты сможешь вернуться, чтобы занять достойное место в Совете Лиги. Быть может, ты даже поблагодаришь нас за оказанную тебе сегодня услугу.

– Вы так ничего и не поняли, – вздохнул Эдуард, – проблема в том, что не вы будете решать, когда этот день придет. Беда нагрянет, когда вы меньше всего будете ее ожидать. И неумолимые обстоятельства вынудят вас обратиться ко мне за помощью, но учтите, на сей раз ее цена окажется несравненно выше.

– Это... угроза?

– Можете считать мои слова *пророчеством*.

* * *

Вынырнув из тоннеля, дорога заложила длинный пологий вираж, карабкаясь на эстакаду, и сквозь мельтешение фонарных опор открылся вид на громаду «Айсберга». Здание алело в лучах закатного солнца, словно вонзившийся в небо сноп пламени, а толкущиеся вокруг его вершины мелкие облачка и сизая пелена тумана, обтекающего нижние ярусы, только подчеркивали образ, представляясь клубами дыма.

Я проезжал здесь каждый будний день и не уставал любоваться величественной красотой небоскреба, всякий раз представавшего передо мной в новом свете. Весь прилежащий квартал также занимали высотные строения, но на фоне «Айсберга» они выглядели детворой, сгрудившейся вокруг юбки взрослой воспитательницы. Синтез самых современных инженерных достижений и безупречного дизайна, мощи и красоты, стекла и стали – его создатели могли вполне заслуженно гордиться своим творением. Ну, и мне немного перепало – все же немногие могут позволить себе апартаменты на 288-м этаже такого красавца.

Да, кто-то скажет, что за такие деньги вместо тесной каморки на чердаке можно обзавестись целым поместьем в пригороде с роскошным домом, большим бассейном и живой прислугой, но меня всегда тянуло ввысь. Загородный дом никуда от меня не денется, в конце концов, а с хозяйством и робогорничная неплохо управляется. Кроме того, насчет каморки – это вы изрядно перегнули.

Просторные апартаменты с панорамным остеклением, две отдельных спальни, кабинет, уютная гостиная со столовой и автоматической кухней, арена для виртуала, сауна и собственный небольшой спортзал – мы с Кирой отнюдь не чувствовали себя обделенными. Все необходимое, от магазинов и кинотеатров до косметических салонов и медцентров – под боком, не выходя из здания. До рабочего офиса рукой подать, и даже мой босс обитает тут же, несколькими этажами выше. Можно целыми неделями видеть небо над головой только через панорамную крышу автомобиля.

Я запрокинул голову, глядя на растущий шпиль «Айсберга», который постепенно заслонял собой небосвод, карабкаясь вверх каскадами уступов и террас. Где-то там, в вышине, затерялись и мои окна, неразличимые с такого расстояния. Кира наверняка уже дома, как пить дать снова музицирует, терзая свою новую игрушку.

Обзор заслонили конструкции подъездной эстакады, и в салоне включилось приглушенное освещение.

– Вы прибыли в пункт назначения, – объявил автопилот, – пожалуйста, не забудьте свой багаж.

– Ладушки, – дверь бесшумно скользнула в сторону, и я, прихватив портфель, шагнул на тротуар.

Моих ноздрей сразу же коснулся явственный запах гари. Не настолько сильный, чтобы обеспокоиться, но достаточный, чтобы недовольно наморщить нос. Похоже, то, что я издалека принял за туман, на самом деле и вправду оказалось дымом. Я автоматически покрутил головой по сторонам, надеясь определить источник задымления, но, так ничего подозрительного и не обнаружив, махнул рукой и зашагал вперед.

Машина за моей спиной послушно зашуршала на стоянку, а я направился к входу, чувствуя во всем теле приятную расслабленность. Непростая, но исключительно удачная трудовая неделя позади, впереди три выходных, и я имею полное право сполна насладиться заслуженным отдыхом, проведя эти несколько дней с Кирой так, как нам угодно, ни на кого не оглядываясь. Ко вторнику надо бы, конечно, подготовить доклад по итогам последних переговоров, но это не займет много времени, и такая мелочь уж всяко не способна подпортить мне прекрасное вечернепятничное настроение.

При моем приближении контрольный сканер приветственно пискнул, и высокие стеклянные двери с легким шелестом скользнули в стороны. В лицо дохнуло теплым воздухом, и только сейчас я осознал, что на улице уже изрядно похолодало. Ноябрь прозрачно намекал, что шутки закончились, и скоро грядет зима с морозами, снегом и прочими сопутствующими прелестями.

– Добрый вечер, Олег Викторович! – улыбнулся мне дежурный комендант за стойкой, которая на текущей неделе имитировала темно-красный гранит.

Тощий как жердь и неизменно напоминавший мне огородное пугало, на котором даже солидный костюм выглядел накинутаю на швабру половой тряпкой, он отвечал за бесперебойное функционирование всех инженерных систем здания. Несмотря на не особо презентабельную внешность, в его высочайшем профессионализме сомневаться не приходилось. Любые вопросы он всегда решал за считанные минуты.

– Привет, Стае! – меня всегда занимал вопрос, он действительно поименно помнит всех жильцов, или просто смотрит на доклад с входного сканера? – что тут у нас во дворе подгорело?

– «Чистые» опять бузят против стройки. Говорят, они подожгли баррикаду из мусорных контейнеров, но полиция уже наводит порядок.

– А, неугомонные реликты ушедшей эпохи, – хмыкнул я.

– Что им неймется, никак не пойму?

– Они все пытаются повернуть вспять Колесо Истории, вместо того, чтобы сесть на ее поезд и спокойно ехать вместе со всеми остальными в общее будущее. Слишком гордые, чтобы отступить, слишком закоряченные, чтобы измениться. Когда-то и я таким был, но если одним прожитые годы добавляют шрамов и мудрости, то другим – увя – только шрамов.

– Горазды же Вы слова красиво складывать! – с завистью в голосе заметил Стае.

– Общение с акционерами и инвесторами – моя каждодневная работа, – я рассмеялся, – только сегодня за день наработал языком на пару миллиардов.

– Здорово! А сколько же...

– ...и теперь мечтаю о горячем душе и мягкой постельке. Счастливо! – я знал, что Стае, найдя собеседника, и сам способен забесплатно чесать языком хоть до бесконечности, а потому поспешил закрыть тему и затопал к лифтам.

Этот мимолетный обмен репликами словно активировал в моей голове виртуальную машину времени, разбудив и расшевелив старые полустертые воспоминания. Прошедшие годы запечатали их как муху в янтарь, но будучи извлеченными на свет, они неожиданно неприятно цапнули мне по сердцу.

Когда-то ведь и я сам находился по ту сторону протеста и даже бросал «коктейли Молотова» в витрину «мозгоправского» салона. И о чем только думала моя голова!? Даже удивительно, как в ней сумела сохраниться кроха разума, позволившая вовремя остановиться и принять верное решение. Иначе не шагнул бы я сейчас к лифту, который вознесет меня в личные

апартаменты на одном из верхних этажей элитного жилого комплекса. И тем волшебным ключиком, что отворили передо мной врата земного рая, стала Психокоррекция.

Изначально ей увлекались лишь немногие энтузиасты, фанаты и просто люди, падкие до всего нового и необычного. Они представляли из себя нечто вроде секты, поначалу немногочисленной, но очень быстро прираставшей последователями. Над ними посмеивались, их презирали, вокруг них крутилась масса жуликов и проходимцев, привычно оседлавших модное увлечение. Но время шло, и вскоре стало очевидно, что Психокоррекция – это всерьез и надолго. Мир, наконец, распробовал новую игрушку, и она пришлась ему по вкусу.

Первоначальный хаос вскоре ожидаемо схлынул, уступив место системе, во главе которой встала Лига Корректоров, отточившая еще сырую методику и доведя ее до совершенства. Они сумели создать уникальный синтез эмпирического опыта и технологии, массовости конвейерного производства и тонкого искусства ручной работы, после чего «пикировка» начала свое победное наступление на все сферы человеческой жизни. На мой взгляд, именно тогда общество миновало пик противостояния, в котором и я, помимо собственной воли, принял самое деятельное участие.

А потом напряжение пошло на спад. Психокоррекция стала чем-то обыденным и привычным, вроде прививок или диспансеризации для мозгов. Теперь люди начали, напротив, косо смотреть на тех чудаков, которые от нее отказывались, называя себя «чистыми». Пресловутое Колесо Истории совершило полный оборот, и бывшие борцы с пагубными новомодными увлечениями, незаметно для себя сами превратились в сектантов.

Подавляющее большинство населения, так или иначе, приняло новые правила игры. Кто-то раньше, кто-то позже, до последнего цепляясь за старые взгляды и привычки, и только самые упрямые, самые ярые противники Психокоррекции продолжали вести борьбу и по сей день. Их слепое и иррациональное неприятие установившегося положения дел оказывалось подчас столь бурным и агрессивным, что идея создания зон, закрытых для доступа таких вот «чистых», была просто обречена рано или поздно появиться на свет.

И вот теперь они протестуют против строительства очередного закрытого кантона, забывая о том, что такого рода запреты – всего лишь защитная реакция общества на их же собственную озлобленность. С каждым годом беспомощные потуги «чистых» выглядели все более жалко и убого. Максимум, на что их хватало – так это устроить шумиху, да и то какую-нибудь местечковую, дабы напомнить о своем существовании, но всерьез повлиять на положение дел они уже не могли. В их рядах остались только немногочисленные истые фанатики, абсолютно глухие к любым доводам логики и разума. Маргинализация «чистых» достигла такого уровня, что с ними просто перестали общаться, полностью игнорируя такого рода радикалов, вычеркнув их из информационного поля. Скорей всего, в новостных лентах о сегодняшней буче и слова не промелькнет.

Я ускорил шаг и как раз успел нырнуть в скоростной шаттл, уже готовый отправиться наверх.

– Олег! Легко на помине! – раздалось над самым моим ухом, когда двери мягко закрылись, и разгонная перегрузка словно положила свои нежные, но весомые руки мне на плечи.

– Добрый вечер, Дмитрий Аркадьевич! – я развернулся, одновременно одергивая левый рукав, чтобы прикрыть не в меру броские часы на запястье, и приветственно кивнул боссу. Мне пришлось слегка пригнуться, чтобы хоть немного скрыть разницу в росте.

У меня до сих пор так и не сформировалось окончательное мнение насчет того, чем является проживание в одном доме с начальством – проклятием или благом. С одной стороны, бывает неплохо блеснуть перед ним довольной физиономией, когда у тебя все на мази и под контролем, а с другой – в случае серьезной оплошности ты рискуешь получить внеочередную публичную выволочку прямо в лифте. Сегодня, впрочем, нагоняй мне не грозил.

– Ну что, тебя можно поздравить с успешным завершением непростых переговоров? – его круглое лицо довольно сияло и лучилось почти как солнышко с детского рисунка.

– Если для кого они и были непростыми, то только для наших оппонентов... теперь уже партнеров из «Халема».

– Даже так? – тонкие брови заинтересованно приподнялись.

– Все потому, что крайне непросто водить за нос человека, который принимал самое непосредственное участие в разработке обсуждаемого технологического процесса, и который прекрасно знает, что у конкурентов ничего подобного нет, и в ближайшие несколько лет даже не предвидится.

– А я всегда говорил, что ты, Олег – парень не промах! – босс коснулся пальцем моего рукава, что в его представлении примерно соответствовало дружескому хлопку по плечу.

– Я передам Ваши поздравления ребятам из департамента. Этот успех – наша общая заслуга. Заслуга всей «Юраско»!

– Тоже верно, – он одобритительно кивнул, – передай. А во вторник мы ждем тебя на Правлении с докладом, не забудь!

– Разумеется! – я сделал вид, что даже немного обиделся, – все будет в лучшем виде!

– Непростая выдалась неделька! – Дмитрий Аркадьевич оглянулся на табло, отсчитывающее пройденные лифтом этажи, – ты домой?

– Да. Думаю, я заслужил пару дней отдыха.

– Как и все мы, – он шагнул к дверям, – а я вот в спортзал загляну. Надо хоть изредка жирок растрясать.

– Да Вам и растрясать-то нечего! – если я и приврал, то самую малость.

– Вот потому-то и нечего! – круглое лицо расплылось еще шире, – сам-то как, не посещаешь?

– Меня не особо привлекает идея кряхтеть и тужиться на публике. У меня для поддержания формы дома свой тренажер есть.

– Не на публике, а в компании! И вообще, ты, кажется, секс с физкультурой спутал, – шаттл прибыл на 250-й уровень, и двери скользнули в стороны, – ну, счастливо! Жене привет передавай! Покряхтите там на досуге...

За моей спиной послышалось сдавленное хихиканье, но я не обратил на него внимания. Какое мне дело то того, что обо мне думают посторонние люди. Мнение руководства – совсем другой разговор, и если оно беззлобно подшучивает над подчиненными, значит все в порядке, а на все прочее мне наплевать.

Наши попутчики разбрелись по магазинам, и ожидать свой лифт на жилые этажи я в пересадочном холле остался один.

Коротая время, я по обыкновению принялся рассматривать размещенную на стене интерактивную транспортную схему «Айсберга». Она до боли напоминала карту метрополитена, только развернутого вертикально. Да и неудивительно, ведь и сам громадный небоскреб являлся, по сути, еще одним городом в городе, поставленным «на попу».

Центральные оси скоростных шаттлов выступали чем-то вроде «стволов», на которые нанизывались «ветви» лифтов, развозящих пассажиров на конечные этажи, а также горизонтальные транспортеры, облегчающие перемещение по огромным общим уровням, располагавшимся через каждые 50 этажей. Для облегчения навигации эти узловые этажи поименовали в честь драгоценных камней – «опаловый», «изумрудный» и так далее. Каждый из них имел свою определенную специализацию, но это являлось больше общей рекомендацией, нежели строгой директивой. К примеру, последний, «янтарный», на котором я находился в данный момент, и выше которого начинались жилые апартаменты, был всецело посвящен здоровью, хобби и всевозможным увлечениям. При желании, выполнив пересадку, можно вскарабкаться и под самый шпиль, на «бриллиантовый» уровень с посадочной площадкой для частных копте-

ров и смотровой галереей. Правда, выговаривать его название всем было лень, а потому его называли просто – «верхний».

Потыкав в схему пальцем, Вы могли выбрать требуемый пункт назначения и узнать, как быстрее всего туда добраться. Схема также позволяла заказать пропуск, если речь шла о посещении закрытого сектора, или вызвать тележку при наличии багажа.

Поскольку я жил на самом верху, мне иногда приходилось ждать свой лифт довольно долго, и изучение транспортной паутины «Айсберга» успело превратиться в некое подобие хобби. Я развлекался тем, что выискивал самые извращенные варианты маршрутов с максимальным числом пересадок, которое порой могло достигать пяти. Человек, оказавшийся здесь впервые, вполне мог и ошалеть слегка от таких сложностей, но если уяснить общую логику, которой подчинялась вся транспортная инфраструктура, то все оказывалось легко и просто. В самом худшем случае требовалось спуститься в фойе «опалового» уровня, чтобы перебраться в ту часть здания, что недоступна через внутриэтажные переходы. А в остальном, как я уже говорил, тут можно всю жизнь прожить, не только не выходя на улицу, но даже не опускаясь до уровня земли, сверху вниз взирая через толстые многослойные стекла на копошащийся под ногами мелочный и суетливый мир.

Мелодичный перезвон возвестил о прибытии моей кабины, и я, пропустив выбежавшую из лифта магазинную тележку, что спешила в родное стойло, шагнул внутрь, в отделанную натуральным светлым деревом скоростную келью, чтобы вознестись на персональные небеса, в свой высокотехнологичный рай, врата в который открываются лишь перед избранными.

Родной холл встретил привычной тишиной, словно все звуки впитал в себя мягкий ковер на полу. Выбравшись из суматохи общественных ярусов в умиротворяющий уют частных апартаментов, ты словно перемещался в другую вселенную, встречающую тебя как своего, как родного, и я, едва шагнув из лифта, сразу ощутил, как во мне спадает, тает и растворяется накопившееся напряжение трудового дня.

Еще подходя к двери, я услышал доносящиеся из-за нее приглушенные звуки музыки. Как я и предполагал, Кира снова затеяла концерт. Она не могла удержаться от соблазна покрасоваться перед своими подругами. Если она будет чересчур увлекаться, нам придется поставить активную звукоизолирующую завесу, иначе соседи начнут ворчать.

Второй Концерт Рахманинова обрушился на меня всей своей мощью, едва я ступил через порог. Я не являюсь особым почитателем классической музыки, но некоторые произведения, что ни говори, пробирают до глубины души, невзирая на личные пристрастия и вкусы. А в исполнении Киры я вообще был готов слушать что угодно. Благодаря ее увлечению я даже начал немного разбираться в предмете и мог уверенно опознать большинство исполнявшихся ею произведений.

Свой костюм я перепоручил встретившей меня робогорничной, велев привести его в порядок. Во вторник, на заседании Правления, я должен выглядеть безупречно. Уточнив у меня, когда следует подать ужин, Роби укатила в гардеробную, а я отправился навстречу фортепианным аккордам.

Арена была погружена в полумрак, и в ее центре, в круге света, за белоснежным синтезатором сидела Кира, раскачиваемая в такт мелодии. Ее тонкие пальцы уверенно порхали над клавишами, наполняя небольшое помещение чарующими звуками, которые помещались в нем большим трудом. Стена справа от меня грохотала оркестром, а противостоящая ему темнота словно пожирала музыку как ненасытное чудовище. Ощущения получались странноватые, но если закрыть глаза и представить себя на сцене концертного зала, то все становилось на свои места – и музыканты, и внимающая им аудитория в бархатных креслах. Кира в своих визорах могла все это видеть как живую, а мне оставалось только представлять.

Диадема киберкортекса, одетая поверх ее светлых волос, собранных в тугий хвост, слегка мерцала. Зеленоватое свечение сигнализировало, что текущий резонанс находится на очень

хорошем уровне. В противном случае Кира бы не рискнула выступать с концертом, ведь оконфузиться на публике никому не хочется. Интересно, чью манеру исполнения она выбрала сегодня? Рихтер? Мацуев? Такого рода тонкости я не различал, но сама она утверждала, что разница есть, и разница существенная. Последняя модель киберкортекса позволяла передавать тончайшие нюансы и особенности манеры игры, что приводило Киру в полнейший восторг, которым она не могла не поделиться. Думаю, теперь она вполне могла прожить, питаясь одной только завистью своих менее удачливых подружек.

Стараясь не шуметь, я вышел из зала и потопал в кабинет. Пристроив свои «Брайты» в виндер, я пробежался взглядом по остальным циферблатам, прикидывая, какой из них надеть во вторник на доклад. Хрон хорош, когда ты дискутируешь с людьми о тонкостях самых передовых современных технологий, а перед Правлением излишне броскими и вычурными часами сверкать не стоит, лучше надеть что-нибудь более сдержанное, что-нибудь классическое, вроде «Омеги» или «Жежер». Мое начальство не одобряло выпендрежа подчиненных. Уважим старичков.

Я отступил на шаг, любуясь своей небольшой коллекцией, экспонаты которой размеренно крутились в персональных уютных колыбельках. Любой человек имеет право на маленькие слабости, и при прохождении пикировки именно эту я решил оставить, поскольку меня с детства тянуло к тикающим механическим шедеврам, и теперь я мог себе позволить увлечения такого рода. Занимая пост начальника департамента в крупнейшей химико-фармацевтической корпорации, я вообще довольно многое мог себе позволить, кроме разве что личного бизнес-джета и океанской яхты.

В теппораторе меня поджидала оставленная горничной чашечка свежесваренного кофе. Жестяная работница твердо усвоила, что, вернувшись с работы, я нуждаюсь в легкой встряске, и кофе для этой цели подходит как нельзя лучше. Строго говоря, я подозревал, что она приготовила чашку еще утром, когда делала завтрак, но при наличии теппоратора такие мелочи представлялись несущественными. Через стекло был виден бледный язычок пара, неподвижно зависший над обжигающе горячим напитком, который вздрогнул и взвился вверх, как только я взялся за ручку дверцы.

У меня невольно вырвалось недовольное ворчание, когда я обнаружил на той же полке тарелку со свежим салатом к ужину. Мне всегда подспудно казалось, что салат пропитывается кофейным запахом, но Кира утверждала, что я слишком мнительный, и ничего такого она не чувствует. Самое смешное, что объективно она была совершенно права – что может случиться за ту ничтожную долю секунды, которую кофе и салат проводят рядом в вырезанном из мира куске замороженного времени?

Признаться, я все же больше доверяю привычному холодильнику. Быть может потому, что элементарно не понимаю, как теппоратор функционирует, что меня где-то даже пугает. Так что купил я его исключительно по настоянию жены, обожающей модные диковинки. Да и не все можно доверить холодильнику. Ту же чашку кофе, например...

Я встал у окна, глядя на раскинувшийся у моих ног город. Сейчас темнеть начинало рано, и кое-где уже загорались огни, которые чуть позже сольются в единое мерцающее море света с колонами подсвеченных офисных центров и ручейками автострад. По телу постепенно разливалось приятное тепло как от горячего кофе, так и от сопутствующих созерцанию панорамы мыслей. Приятно, что ни говори, осознавать, что ты – выше. И не только в смысле этажности.

Ведь очень немногие из тех, кто копошился там, внизу, сумели достичь столь многого, как я, и лишь единицам удалось проделать этот путь так же стремительно. От рядового сотрудника исследовательского отдела до директора департамента за какие-то пять лет! А после заключения долгожданного контракта с «Халемо» я автоматически попадал в состав руководства будущего совместного предприятия, и по итогам текущего года меня ждал щедрый бонус. Думайте, что хотите, но я имел все основания, чтобы гордиться собой!

* * *

С высоты птичьего полета город напоминал большую кляксу, разбрызгавшуюся по окрестностям нитями автострад, которые, казалось, переплетались в совершенно хаотическом порядке. Спустившись чуть ниже можно было разглядеть отдельные узлы развязок, напоминавшие пригоршни асфальтового спагетти, брошенного на землю. Приблизив картинку еще немного, мы различим отдельные машины, с обманчивой неспешностью ползущие по трассам, словно муравьи. И только нырнув под одну из эстакад и внимательно присмотревшись, можно обнаружить небольшого дрона, притаившегося в тени ее конструкций.

Он казался выключенным, но на самом деле его глаза внимательно следили за потоком транспорта, выискивая одну конкретную машину. Как сидящий в засаде паук, он терпеливо ждал, когда в его сети угодит зазевавшаяся жертва.

Ага! Вдалеке показался беспилотный грузовик, прилежно следующий в бесконечной колонне себе подобных, и отличающийся от них исключительно картинкой на борту, изображавшей облизывающуюся лисью морду с румяным ухмыляющимся мячиком на кончике носа. «Колобок. Вкус и качество к Вашему порогу! Доставка еды в кафе и рестораны».

Винты дрона тонко запели, подняв пластиковую муху в воздух. Он дождался, когда трейлер окажется прямо под ним, и резко спикировал вниз, вцепившись присосками в гладкую крышу кабины. Аналогично тому, как насекомые наездники, атакуя свою жертву, откладывают яйца в ее тело, дрон запустил невидимые радиощупальца в управляющие каналы машины, сбивая ее с толку, дезориентируя и нашептывая...

Одурманенный грузовик сбросил скорость и, включив аварийные огни, направился в ближайший парковочный карман, чтобы дожидаться прибытия ремонтной бригады. Однако на парковке его уже поджидали, и отнюдь не ремонтники.

Если бы трейлер умел испытывать эмоции, аналогичные человеческим, то наверняка здорово удивился бы, поскольку на парковке он нос к носу столкнулся со своей точной копией. Марка машины, лиса, колобок – совпадало все, вплоть до самых мелких деталей. Едва грузовик остановился, к нему тут же подбежали два человека, которые без особых церемоний вскрыли люк на его боку и забрались в электронные внутренности. По ходу дела они изредка обменивались скудными обрывочными репликами.

- Ну как, заявка совпадает?
- Разумеется!
- Коды клиентов не забудь!
- Не надо меня учить! Транспондер снял?
- Уже... почти... есть!
- Ну все, поджаривай его и уходим!

Они быстро зашагали к своей машине, оставив позади распотрошенный трейлер, из открытого люка которого посыпались искры и заструился сизый дым. На ходу один из мужчин вскинул руку, и дрон-диверсант послушно спикировал ему на ладонь. Фальшивый грузовик стронулся с места, как только захлопнулась дверь кузова, и встроился в расступившийся перед ним нескончаемый поток...

Робот-погрузчик, дежуривший на одном из подземных, сервисных ярусов «Айсберга» также не умел удивляться, а потому просто застыл на месте, не обнаружив за открывшимися дверями подъехавшего грузовика привычных стеллажей с термостатированными контейнерами. Следуя инструкции, он собирался подготовить и отправить в диспетчерскую соответствующий отчет, извещающий о том, что вместо заявленного груза «Колобок» почему-то... не успел, поскольку поймал в грудь мощный разряд электрошокера.

– Расходимся по позициям, – убирая оружие, из темноты кузова на свет шагнул уже немолодой но еще крепкий человек, на котором даже обычная гражданская одежда выглядела как армейский камуфляж.

Говорил он резко, словно вырубая отдельные слова из ледяной глыбы, и в его устах даже невинный вопрос «который час» наверняка звучал бы как приказ самому времени остановиться и доложить точное значение. По армейской же привычке стригся он коротко, хотя другой на его месте предпочел бы отрастить более длинные волосы, чтобы прикрыть искалеченное левое ухо. Но только не он. Этот человек ничего не скрывал, и ничего не могло укрыться от цепкого взгляда его глубоко сидящих глаз, в любом помещении автоматически определяющего удобные огневые позиции, возможные места установки мин-растяжек, пути отхода...

Следом за ним из машины вышло еще около дюжины человек, одетых кто в костюм, кто в спортивную куртку, кто в потертый свитер, но все они несли с собой объемистые и определенно тяжелые сумки, кофры и чемоданы.

– У вас есть десять минут, чтобы добраться до своих мест, а потом я дам отмашку людям на улице. Если будут какие-то изменения, то я сообщу, а пока действуйте по намеченному плану. На связь выходить только в самом крайнем случае. Вопросы?

Вопросов не нашлось, и подозрительная компания разбрелась по заранее изученным маршрутам, направляясь к лифтам и лестницам.

* * *

Звонок из диспетчерской отвлек Стаса от разъяснений причин запаха дыма очередному жильцу.

– Вам лучше подойти и взглянуть самому. Наших полномочий тут уже недостаточно, – голос не на шутку встревоженного оператора не предвещал ничего хорошего.

– Сейчас буду, – не переставая дежурно улыбаться и излучать оптимизм, комендант дождался, когда все прибывшие проследовали дальше к лифтам, и направился в операторскую.

Сюда, в просторное помещение, расположенное этажом ниже, стекалась информация со всех камер наблюдения, а также данные с любых датчиков и сенсоров, коими изобиловала конструкция «Айсберга». Большую часть времени операторы элементарно скучали в ожидании момента, когда какой-нибудь из показателей вспыхнет красным, но происходило такое слишком редко, чтобы скрасить однообразные будни.

Но когда Стае вошел, он сразу сообразил, что сейчас персоналу не до скуки, поскольку дежурная смена в полном составе сгрудилась перед экраном, на который выводилась увеличенная картинка с выбранных камер. И, судя по напряженным спинам, речь шла о чем-то реально серьезном.

– Что стряслось?

– Полюбуйтесь, Станислав Андреевич! – оператор кивнул на экран, – они уже к нам на территорию забрались!

Бесстрастная камера демонстрировала ораву варваров, громоздящих баррикаду из всякого хлама поперек одного из служебных въездов на служебные уровни. Они уже подожгли несколько крышечек, дым от которых стелился вдоль фасада, грозя превратить небоскреб в одну большую коптильню.

– Где это?

– Северное крыло. Забросали пост охраны петардами, да так, что вахтер сейчас в медпункте, почти полностью оглохший и едва не лишившийся одного глаза.

– И куда, спрашивается, смотрит полиция? Их же там целую роту нагнали! Или они не видят, что творится у них под носом!?

– Полицейские подразделения сейчас оттесняют протестующих от восточного фасада, где главный вход в офисную часть, чтобы позволить сотрудникам покинуть здание. Конец рабочего дня, как-никак.

– Скажи им, пусть направят часть людей к северному въезду.

– Да я пытаюсь, – оператор продемонстрировал трубку телефона, которую он держал в руке, – но они говорят, что и на востоке еле справляются, и лишних сотрудников у них нет.

– Давай сюда, я сам с ними поговорю, – Стае выхватил у него телефон и чуть ли не рявкнул в нее, – говорит дежурный комендант. Нам срочно требуется наряд к северному въезду в «Айсберг»!

Некоторое время в трубке слышались только приглушенные препирательства, но потом усталый мужской голос, словно смирившись, недовольно буркнул:

– Я же сказал – у меня сейчас каждый человек на счету! Мы еле-еле их сдерживаем!

– Что толку от вашего сдерживания, если дебоширы уже жгут баррикады у нас во дворе!

– А куда ваша собственная охрана смотрела!?

– Наша служба безопасности занимается только тем, что провожает подвыпивших постояльцев до их номеров! У нас нет ни полномочий, ни возможности применять силу, тем более против толпы! – Стае обернулся, услышав чей-то возглас, – что там еще?

– Сработала пожарная сигнализация в распределительной, – доложил оператор, – скорей всего, датчик задымления среагировал на просочившийся в помещение дым с улицы.

– ...они тут совершенно неуправляемые, – продолжал пояснять полицейский, – швыряются мусором во все подряд. Если мы их не оттесним от входа, то уже вам самим придется объясняться перед постояльцами за их разбитые машины.

– А если мы немедленно не наведем порядок в северном дворе, то разбитые машины будут самой меньшей из наших проблем, – Стае с беспокойством наблюдал, как на табло загораются все новые красные огоньки, – у вас там пожарные расчеты есть?

– Да, стоит пара машин.

– Отправьте их к северному крылу. Я сам сейчас подъеду.

Стае вернул трубку оператору и выдал ему целый ворох инструкций:

– Весь техперсонал в полную боевую готовность, охрану выгони на патрулирование этажей, и обзвоните офисы – пусть все поскорее расходится по домам. У нас тут какая-то тревожная ситуация складывается, а потому, чем меньше людей будет оставаться в здании – тем лучше.

– Понял. Сделаем.

– Ладно, а я побежал. Надо проследить, чтобы пожарные не увлеклись и не вздумали тушить электрощитовую водой из своих брандспойтов.

Стае выскочил из операторской и со всех ног помчался к служебному выходу. В голове у него заевшей пластинкой крутилась бородатая шутка, что генералы не бегают, поскольку в мирное время это вызывает смех, а в военное – панику. Дежурному коменданту элитного офисного комплекса также не пристало суетиться по пустякам, но сейчас ситуация определенно вышла за штатные рамки и в воздухе, помимо гари, отчетливо пахло серьезной катастрофой.

Он запрыгнул в рабочий электрокар для местных разъездов и резко стартовал, взвизгнув шинами по гладкому полу. Подсобные помещения «Айсберга» занимали площадь, измеряемую несколькими гектарами, и для перемещения по ним в течение рабочего дня такой транспорт был абсолютно необходим.

В самый последний момент Стае сообразил, что открывать ворота и выезжать на каре прямо в гущу протестующих будет не самой удачной идеей, поскольку они могут воспользоваться этой возможностью, чтобы проникнуть внутрь комплекса. В итоге он оставил машину прямо в коридоре и выскочил на улицу через одну из боковых дверей для персонала.

В нос ему немедленно ударил резкий запах дыма, столь едкого, что от него начали слезиться глаза. Бунтовщики громоздили в свои баррикады весь хлам, который только могли найти в округе, и теперь наваленные ими горы мусора неистово полыхали, отравляя воздух густыми клубами вонючей гари от горящего пластика, покрышек и пищевых отходов.

Стае осторожно выглянул из-за угла, и оттого, что открылось его взору, внутри у него все оборвалось.

Сооруженный толпой завал из мусорных контейнеров и пустой тары, штабеля которой стояли вдоль стен, ожидая, когда их заберут поставщики, пылал как самое заправское аутодафе. Корчащиеся в огне коробки плавилась и таяли, источая целые реки горячей пластмассы, что струились по асфальту, разливаясь пузырящимися заводящими вдоль стен и заполняя под двери технических помещений. Из забранных решетками окон распределительной уже тянулись струйки сизого дыма.

Опомнившись, он схватил телефон и вызвал операторскую.

– Срочно отключайте все электроснабжение! Свяжитесь с городской сетью – пусть они отключат подачу со своей стороны! Иначе тут все просто взлетит на воздух... Что? Как нет связи? Но...

Стае бессильно уронил руку с трубкой. Оператор сообщил, что у него пропала связь с инженерными системами здания, а значит, огонь пробрался в кабельные коллекторы, и катастрофа фактически уже наступила, и пытаться ее отменить уже поздно.

Словно во сне он наблюдал за тем, как попытавшаяся въехать во двор пожарная машина выпустила по пылающей баррикаде тугую струю воды, но, получив в лобовое стекло несколько зажигательных бутылок, поспешно начала пятиться назад. Пожарные попытались отогнать хулиганов своим водометом, но без особого успеха, поскольку в дыму им почти ничего не удавалось разглядеть, в то время, как их противникам было достаточно метать «коктейли Молотова» по яркому свету фар.

Струя воды хаотически металась из стороны в сторону, поливая все подряд, и Стае, рискуя сам попасть под ее напор, бросился вперед, размахивая руками и крича, что было сил:

– Стоп! Стоп! Прекратите! Там же сто киловольт! Вы нас всех тут убьете к чертовой матери!

Казалось, пожарные услышали его вопли, и их машина, прекратив плеваться, откатилась назад, на улицу. Однако выплеснутая ею вода, смешиваясь с расплавленным пластиком в шипящую кашу, уже подступала к воротам трансформаторной подстанции.

Несколько демонстрантов обернулись в его сторону, оценивая новую угрозу, атаковавшую их с тыла, но вид тощего человека в костюме, который бежал в их сторону, забавно мельтеша конечностями, словно пытаясь взлететь, не особо их впечатлил. Они опустили взятые наизготовку палки, ожидая, когда он приблизится, чтобы рассмотреть новоявленное чудо как следует.

– Ты что-то потерял, друг? – снисходительно поинтересовался один из них, когда Стае подбежал к ним.

– Вы совсем ополоумели, что ли!? – огрызнулся на них комендант, как будто перед ним стояли не крепкие парни с арматурными прутьями и колами в руках, а нашкодившая малышня, – тут же распределительная, сто киловольт мгновенной и яркой смерти! Вам что, жить надоело!?

– Ты это о чем, друг? – в голосе демонстранта проступили тревожные нотки.

– Уматывайте отсюда все, быстро! – Стае попятился, видя, как растекающийся потоп подбирается к их группе, – и держитесь подальше от воды!

Остальные, почуяв неладное, также начали отступать на газон.

– Гефест же утверждал, что тут только мусор и складские помещения! – воскликнул кто-то.

- Эй, друг, а ты нам, часом, лапшу на уши не вешаешь?
– Если бы вы так не галдели, то сами услышали бы, как трансформаторы гудят! – отмахнулся Стае.
– Да-да, я слышал гул! Помнишь, ты еще сказал, что...

Это был даже не звук, а своего рода *ощущение*. Такое чувство, как если бы у Вас прямо в голове внезапно проснулся огромный и жутко злой шмель, который принялся яростно колотить крыльями по барабанным перепонкам. Омерзительно резкий зудящий рев, вгрызающийся в каждую клеточку тела. От неожиданности Стае оступился и плюхнулся прямо на траву.

Из окон распределительной, прямо как в нестареющей Спилберговской классике, ударили снопы ослепительного лилово-белого света, которые мерцали и скакали из стороны в сторону в такт оглушительному жужжанию. Запертый в тесной будке сверкающий высоковольтный дракон отчаянно искал выход, прожигая все вокруг своим неистовым пламенем.

Прямо на глазах оцепеневшей толпы извивающиеся щупальца разряда пробились сквозь стальную дверь и зашарили по залитому водой асфальту, привнеся в общую какофонию толику шипения и звона резонирующего металла.

А потом все резко оборвалось. Скорей всего на снабжающей подстанции сработала защита, отключившая закоротившую линию.

В уши хлынула блаженная тишина, а глаза медленно отходили от бешеной пляски отпечатавшихся на сетчатке огненных зигзагов. Окна распределительной дружно изрыгали темно-красные языки пламени, окутанные клубами густого черного дыма, который столбом поднимался вверх, стелясь по стенам небоскреба. Из-за дверей щитовой доносились глухие хлопки срабатывающих огнетушителей, которые запоздало и безуспешно пытались погасить бушующий огонь.

Стае так и сидел на траве, будучи не в силах совладать с первоначальным шоком и бессмысленно таращась на пожар. Ему не давала покоя какая-то назойливая мысль. Он никак не мог сообразить почему, но вид северного двора, озаряемого багровыми отсветами пламени, казался ему *неправильным*. Что-то неуловимо изменилось, что-то настолько привычное, что в обычное время мы его и не замечаем даже, а лишившись, не можем понять, в чем дело.

Комендант pokrutil головой по сторонам и обнаружил, что их компания оказалась посреди небольшого пятка, освещенного огнем пожара, а за его пределами все теряется в темноте. Движимый недобрым предчувствием, он запрокинул голову, чтобы посмотреть на громаду «Айсберга»...

...но увидел только полтора километра зияющей обсидиановой черноты, вздымающейся в хмурое ноябрьское небо.

* * *

- Так, – я осторожно отложил вилку в сторону и пару раз моргнул.

Из темноты постепенно проступили очертания стола с расставленной на нем посудой и сидящей напротив меня Киры. Через окно справа просачивался желтоватый свет от огня лежащего внизу города, так что даже в отсутствие освещения обстановка в столовой оставалась более-менее различима.

– Что случилось? – жена продолжила жевать, как ни в чем не бывало. Темень голода не отменяет.

- Хотел бы я знать. Эй, Роби! – окликнул я горничную, – это что еще за сюрприз?

– Произошло отключение электроснабжения, – она выкатилась с кухни, ничуть не переживая по поводу темноты. Тепловизионные камеры и набор сонаров позволяли ей прекрасно ориентироваться даже в кромешном мраке.

– Сам вижу. Это только у нас или во всем доме?

– Не могу сказать. В данный момент соединение с сетью отсутствует.

– А внутримодомовой канал?

– Он также отключен.

– Просто прекрасно.

– Интересно, у соседей тоже так? – полупризрачная Кира потянулась к кастрюле за добавкой.

– Откуда мне зн... хотя, если и домовая сеть упала, то, скорей всего, проблемы у целого этажа. Пойду, выгляну в холл.

– Осторожней, не расшиби себе лоб там в потемках.

Я на ощупь нашарил под столом тапки и поковылял в прихожую, придерживаясь руками за стены и втайне завидуя ночному видению Роби. Входная дверь распахнулась передо мной провалом абсолютной черноты. Окна в квартирном холле отсутствовали, а потому тут царил беспросветный мрак угольной шахты, лишенный даже бледной подсветки от городских огней. Чуть поодаль виднелось только зеленоватое флуоресцирующее пятно указателя аварийного выхода, и все.

С дальнего конца коридора донеслось щелканье замка, и темноту прорезало маленькое пятнышко света, оказавшееся экраном включенного телефона, который держала в руке соседка, подсвечивая себе путь. Черт, ну почему я сам до этого не додумался!?

– Олечка это ты? – проскрипела она, и мой мысленный взор тут же нарисовал знакомый образ сухонькой кучерявой старушки в нелепом для таких апартаментов потрепанном голубом халате в цветочек, близоруко взирающей на окружающий мир с вечной тревогой во взгляде, – что стряслось-то? Куда свет пропал?

Мне кажется, что непременно должна существовать отдельная преисподняя для таких вот старушенций, которые любого человека, не достигшего пятидесяти, вне зависимости от его положения и социального статуса, считают своим «внучком», и относятся к нему соответственно. Узнав, что грядет похолодание, они будут с искренней заботой напоминать тебе, чтобы ты не забыл одеть теплую шапку, а в случае дождя обязательно справятся, не промочил ли ты ноги. И тот факт, что человек уже давно вырос из коротких штанишек, обзавелся солидным состоянием, животиком, лысиной, и по городу перемещается исключительно на персональном вертолете, в их картине мира ровным счетом ничегошеньки не меняет.

Ее покойный супруг относился к той категории людей, про которых говорят: «сделал себя сам». Насколько я знал, он проделал путь от простого слесаря до руководителя крупнейшего станкостроительного завода, не пропустив ни одной ступеньки карьерной лестницы и по ходу дела приобретая определенный опыт вращения в высоких кругах и даже некоторый налет аристократичности и лоска. Вот только свою половину до должного уровня он подтянуть не успел, она как была женой простого слесаря, так ею и осталась.

– Не знаю, Клавдия Сергеевна, – отозвался я, отложив ее перевоспитание до лучших времен. Меня вечно одолевала банальная лень поднимать шум из-за таких пустяков, – видимо, авария какая-то случилась.

– И надолго это, как ты думаешь?

– Ну, мы же не в захолустье каком-то живем. Наверняка уже скоро все наладится.

– Хотелось бы верить, – послышался вздох, – не то, чтобы я боялась темноты... просто... не закрывай свою дверь, ладно. Звонок же не работает, а так хоть крикнуть можно.

– Нет проблем, – трудно сказать, кого она тут опасалась, но если так ей будет спокойней, то ради Бога!

Я повернул направо и, ориентируясь на еле различимый свет, сочившийся из лифтового холла, направился туда. Здесь имелось одно большое окно, что позволяло, по крайней мере, различать контуры предметов. Все панели управления лифтами оказались мертвы, также как

и торговый автомат в углу. Из дальнего конца темного коридора доносился трескучий голос Клавдии, обсуждавшей сложившуюся ситуацию и свои страхи с другими соседями.

Скользя рукой по стене, я вернулся к себе, заскочив по дороге в кабинет и прихватив собственный коммуникатор, чтобы освещать себе путь светом его экрана. Кира по-прежнему сидела в столовой, не выказывая каких-либо признаков беспокойства. На ее взгляд, если происходящее и выходило за привычные рамки, то не особо сильно, да и продолжаться такое в любом случае долго не могло. Так что все выглядело для нее как небольшое приключение, слегка разнообразящее однообразную жизнь.

– Весь этаж отрубился, – доложил я, – а судя по тому, что и лифты не функционируют, то проблемы не только у нас. Так что ужинать придется в темноте.

– А с кем ты там разговаривал?

– С соседкой.

– С бабой Клавой?

– Ага. И она опять назвала меня Олежкой!

– И что с того? Почему ты так на нее взъелся?

– Я могу быть Олежкой для тебя, для матери, для тещи, в конце концов! Но для всех остальных я – Олег Викторович! И только так!

– Ой, какие мы серьезные!

– Я, знаешь ли, директор департамента, и всем неплохо бы об этом помнить! Мой статус не позволяет мне быть каким-то мальчиком-зайчиком!

– Но он же не мешает тебе спать в обнимку с любимым плюшевым медведем?

– Ревнуешь, что ли? – отмахнулся я, – происходящее в моей спальне никого не касается. А вот соседка дискредитирует меня на публике, что мне представляется недопустимым.

– Так скажи ей!

– Вот еще! Она обидится, вдруг помрет с горя, чего доброго, а я потом виноват буду. Доказывай потом, что я тут ни при чем, ничего такого не делал, не говорил и даже свечку не держал.

– Слушай, у нас же где-то свечи были, помнишь? – встрепелась жена, – так что мы вполне можем устроить себе внеплановый романтический ужин.

– Кстати, да! А в рюкзаке после пикника должна оставаться зажигалка!

Через несколько минут наша столовая буквально преобразилась, превратившись в маленький островок уюта посреди окружающего мрака. Поддавшись обаянию романтической атмосферы, мы даже откупорили бутылочку вина, под которое заодно прикончили остатки салата из отключившегося темпоратора. Не пропадать же добру!

* * *

В общей суматохе Стасу даже некогда было взглянуть на часы, и только обнаружив, что уже светает, он осознал, что всю ночь провел на ногах. Неудивительно, что перед глазами у него то и дело все подергивалось матовой дымкой и начинало плыть, а некоторые вещи, чтобы понять, ему приходилось переспрашивать по два раза.

Пожар в распределительной полыхал до тех пор, пока подоспевший представитель городской электросети не подтвердил, что напряжение отключено. Только тогда огнеборцы приступили к ликвидации возгорания.

Справились они похвально быстро, но вряд ли это можно было счесть хорошей новостью. Не требовалось иметь диплом инженера, чтобы понимать, что все оборудование уничтожено безвозвратно, и о быстром восстановлении электроснабжения не может идти и речи.

Чуть погода на место прибыли представители компании, управляющей «Айсбергом», и уровень гвалта вновь взлетел до максимума. Каждая реплика препирающихся сторон отдавалась в раскалывающейся голове Стаса гулким болезненным эхом.

Дирекция во всем винила полицейских, которые не смогли обеспечить должную безопасность, а те вяло отбивались, ссылаясь на то, что протестов такого масштаба и такого уровня организации в городе не случалось уже лет десять, и навыки противодействия подобным акциям несколько подрастерялись. Так что случившееся вполне можно отнести к форс-мажору. В конечном итоге стороны сошлись на том, что суд разберется, «кто виноват?», и, наконец, перешли к вопросу «что делать?».

И вот тут-то электрики подбросили в топку хорошую порцию оптимизма, популярно объяснив, что, поскольку по уровню энергопотребления «Айсберг» сопоставим с небольшим городом, то оборудование такой мощности нельзя просто так пойти и купить. Подобные вещи, как правило, изготавливаются на заказ, и срок поставки может исчисляться *неделями*. А с учетом того обстоятельства, что впереди три выходных дня, и многих нужных людей не будет в пределах досягаемости аж до вторника...

В этот момент Стае буквально почувствовал, как седеют волосы на его несчастной голове.

В качестве временной меры спецы предложили подать электричество по обходной схеме, но в этом случае его хватит только на запитку самых критически важных систем здания. Такое подключение можно организовать относительно быстро, но нужно определиться, что именно следует запустить в первую очередь.

В поисках крайнего все головы дружно повернулись к коменданту. Стасу и без того было тошно, а теперь еще и всю ответственность за дальнейшие последствия предлагается на него повесить. И ведь не открутишься, твоя смена – ты и отдувайся.

Он в очередной задрал голову, рассматривая фасад «Айсберга», в данный момент чем-то напоминающий звездное небо из-за крохотных светящихся точек, мерцающих в его окнах. Фонарики, свечи, экраны телефонов – каждый спасался от темноты как мог. Попытавшись поставить себя на место тех людей, кто оказался там, на верхотуре, без света, связи, тепла и воды, он попытался сформулировать свое самое жгучее желание. С учетом того, что скорого разрешения кризиса не ожидалось, и, отбросив откровенно несбыточные варианты, Стае тяжело вздохнул и выдал свое заключение:

– В первую очередь необходимо запустить лифты, хотя бы скоростные шаттлы. Надо дать жильцам возможность поскорее покинуть здание. Кто знает, насколько затянется все это безобразие.

* * *

Проснулся я для выходного дня довольно рано по двум причинам. Во-первых, я начал ощутимо мерзнуть, а во-вторых от духоты у меня нещадно разболелась голова. Проведя в уме несложные логические построения, я пришел к очевидному выводу, что подачу электричества до сих пор не восстановили.

Последние остатки вчерашнего романтического настроения моментально улетучились. Ужин при свечах греет душу ровно до тех пор, пока ты знаешь, что свет погашен только потому, что это тебе так захотелось, и взмахом твоей руки достаточно, чтобы включить его снова. А вот когда в холодильнике уже начинают портиться продукты, у тебя нет никакой связи с внешним миром, ползущие за окном серые облака намекают, что сегодня вполне может пойти первый снег, а батареи холодны как труп из прозекторской, то тут как-то не до романтики.

Я вполголоса выругался, и еще сонная Кира поинтересовалась:

– Что не так?

– Электричества по-прежнему нет, – буркнул я недовольно.

– Ты уверен?

Я повернул голову, взглянув на безжизненную панель проектора, где обычно высвечивалось текущее время.

– Увы, да. Ерунда какая-то!

– Может, стоит коменданту позвонить? Ты же с ним знаком вроде? Как его...

– Стасу? Да, было бы неплохо, но как? Сеть-то отключена.

– Но есть же обычная мобильная связь!

– Да, есть, – меланхолично согласился я, – где-то там, внизу.

– Ты хочешь сказать, что до нашего этажа радиоволны не долетают? С каких это пор они боятся высоты?

– С тех самых, как в угоду скорости размер сот пришлось сделать таким маленьким, что радиус действия современной базовой станции составляет всего несколько сот метров, – я вдел ноги в тапки и прошаркал к окну только для того, чтобы убедиться, что телефон и здесь не может найти сеть, – а внутри здания антенны стоят вообще на каждом этаже, поскольку через железобетонные перекрытия сигнал пробиться не может.

– А мне всегда казалось, что где-то в центре города просто торчит большая вышка, и все телефоны с ней связываются.

– Что я могу сказать? Ты здорово отстала от жизни, – я вернулся к кровати и торопливо нырнул обратно под теплое одеяло, – в общем, мы тут теперь сами по себе. Хоть бутылки с записками в окно бросай!

– И до нас никому нет дела!?! – не то возмутилась, не то испугалась Кира.

– Ну, это вряд ли, конечно, – поспешил я ее успокоить, – у нас если в коридоре лампочка перегорает, то уже в течение часа прибегает электрик со стремянкой, чтобы ее заменить. А тут ползания в отключку ушло. Там, небось, сейчас все на ушах стоят, и даже будь у нас возможность позвонить, я сомневаюсь, что мы смогли бы заставить их крутиться еще быстрее.

– Что же нам теперь делать?

– Для начала можно позавтракать... по крайней мере, попытаться.

– Но что путного можно приготовить из холодной сыромятки?

– Сейчас выясним. Роби!

Однако ответа на мой оклик не последовало, и настроение у меня упало еще сильнее, поскольку я понял, что мы остались еще и без горничной. Она всегда, наведя вечером порядок в доме, вставала на зарядку, чтобы к утру быть полной сил и энергии. А без подпитки ее аккумуляторы за ночь наверняка разрядились окончательно, и она ушла в спячку. Придется управляться с хозяйством самостоятельно, хоть мы с Кирой от этого уже порядком отвыкли. Ничего не попишешь, будем соображать по ходу дела.

– И не надо так на меня смотреть! – возмутилась Кира, когда я повернулся к ней с немым вопросом во взгляде, – я кулинарных техникумов не заканчивала. Если я что и сумею сварганить, то только бутерброды. Если необходимые продукты найдутся, конечно.

– Ну, это всяко лучше, чем совсем ничего. Я же понимаю, что сейчас не до разносолов, привередничать не приходится.

Даже удивительно, насколько беспомощным, бестолковым и бесполезным оказывается современный человек, отключенный от электричества и средств коммуникации. Мы так привыкли к многочисленным удобствам, предоставляемым нам современными технологиями, столь глубоко погружены в техническую и информационную инфраструктуру, что даже не отдаем себе отчета, как сильно мы от нее зависим. И состояние несчастного, выдернутого из привычной среды обитания, весьма близко напоминает вытасненную из воды рыбу, что беззвучно хлопает ртом и хаотично дергает плавниками. И точно так же, как и она, современный городской человек, оторванный от благ цивилизации, обречен на верную смерть.

Подобные невеселые мысли в течение дня не раз навещали мою голову, которой было откровенно нечем заняться. Особенно с учетом той непривычной тишины, что царила в доме. Я невольно постоянно прислушивался, каждую секунду ожидая, не пискнет ли включившийся проектор, не заурчит ли вновь заработавший компрессор холодильника, не оживет ли Роби. И такое непрерывное напряжение здорово изматывало, ни на секунду не позволяя хоть немного отвлечься. Только сейчас я осознал, сколько самых разнообразных звуков окружало меня до сих пор – музыка, которую слушала жена, негромкое жужжание горничной, журчание воды в мойке... Ах, да, вода! Ведь ее мы тоже лишились. В результате туалет очень скоро наполнился давно забытыми ароматами деревенской уборной, и мы старались заглядывать туда как можно реже, чтобы не выпускать их в квартиру. Собственно, без воды там и делать-то было особо нечего, ведь в темноте даже на собственную неумытую физиономию в зеркало не полюбуешься.

После тоскливого завтрака, состоявшего из нескольких сэндвичей, запиваемых холодным соком, мы оказались предоставлены сами себе. Чтобы хоть чем-то заняться, мы с Кирой прогулялись в холл, надеясь разведать ситуацию, но ничего нового не узнали.

– А те жилы, что вчера вечером оказались в остановившихся лифтах, они так там и сидят? – вспомнила вдруг Кира, любившая побеспокоиться за совершенно посторонних людей.

– Вряд ли, – для очистки совести я потыкал пальцем в безжизненную кнопку вызова, – если я не ошибаюсь, при отключении кабина должна автоматически спуститься вниз и открыть двери.

– Ну, слава Богу! – выдохнула жена облегченно, хотя и с легким оттенком разочарования. Что ни говори, а мысль о том, что где-то есть несчастные, которым повезло еще меньше твоего, чуточку согревает.

Немного попуслав слюни у выключенного торгового автомата с шоколадками и газировкой, мы вернулись в постепенно остывающую квартиру, которая теперь воспринималась не как уютное гнездышко, а, скорее, как тюремная камера. И от побега нас удерживали не решетки на окнах и крепкие запоры, а подозрение, что в других местах дела обстоят ничуть не лучше.

Дабы предупредить возможные проблемы, нам пришлось слегка утеплиться, не дожидаясь, когда от холода начнут стучать зубы, ну а после нас с головой накрыла смертельная скука.

Ну чем, скажите на милость, может занять себя современный человек при полном отсутствии электричества и доступа в сеть?

Некоторое время я провел в кресле, вооружившись биноклем и рассматривая полускрытый пеленой низких облаков город. Раньше я взирал на суетящихся там, внизу людишек с легким оттенком снисхождения, осознавая, насколько выше подавляющего большинства из них я нахожусь как в буквальном, так и в переносном смысле. В ответ я почти чувствовал исходящую от них зависть и глухое недовольство, вечно сопровождающие тех, кто добился большего. А вот сегодня мы с ними словно поменялись местами, и уже я завидовал их беззаботности. Ведь всех их дома ждал горячий ужин и душ, а вот мои собственные перспективы в данный момент выглядели довольно туманно. А также холодно, голодно и грязно.

В надежде согреться, я заглянул спортзал и около часа расслабленно тягал железо, благо гантелям подзарядка не требуется. Еще можно было бы полистать книжку, но всю бумажную библиотеку мы оставили в загородном доме у моих родителей, о чем я теперь горько пожалел.

От безысходности я даже продумал и проговорил в уме свой доклад на Правлении, но для полноценной презентации требовалось подготовить набор слайдов, что снова завело меня в тупик.

Однако сильнее всего изводило полное отсутствие новостей о происходящем за пределами нашего крохотного мирка, ограниченного стенами квартиры. Ни сведений о возобновлении энергоснабжения, ни весточек из внешнего мира, ничего. Быть может мы – первые жертвы начавшейся мировой войны, о которой нас забыли предупредить? Да, мимолетный взгляд, брошенный за окно, говорил, что в остальном городе ровным счетом ничего не изменилось –

фонари горят, машины проносятся по магистралям как обычно, но без постоянной информационной подпитки волей-неволей начинаешь додумывать всякую ерунду.

Я и не подозревал, что отлучение от всех каналов связи окажется настолько болезненным. Наверное, схожие страдания испытывает наркоман, не получивший очередной дозы зелья. В голове словно образовался вакуум, настойчиво требующий наполнения.

Схожая пустота вскоре начала терзать и желудок, вспомнивший о том, насколько скудным был сегодня завтрак. Обеденное время, скорей всего, еще не наступило, но два бутерброда – не та заправка, на которой можно пробегать полдня. Неплохо бы слегка перекусить.

При мысли о времени я вдруг вспомнил, что мой виндер также остановился, и, если я не хочу потом вручную выставлять все свои часы, включая «вечник» от «Жежер», который даже с помощью подробной инструкции настроить не так-то просто, то мне придется всю свою коллекцию подзавести самостоятельно. Чем я и занялся, убив на это дело еще с полчаса и едва не намозолив себе в итоге пальцы.

Тем не менее, мой живот обмануть таким образом не удалось, и подаваемые им сигналы звучали все требовательней. Я не знаю, что именно подстегнуло мой ум – возня с часами или голодные спазмы в желудке, но мне в голову пришла замечательная идея!

Я установил сковороду на три перевернутые чашки, а под нее поместил зажженные декоративные свечи, сварганив нечто вроде импровизированного примуса. И уже через несколько минут мы с Кирой наслаждались вкуснейшей яичницей, которую запивали почти горячим чаем.

Мое изобретение произвело на жену неизгладимое впечатление. Она даже назвала меня Робинзоном, на что я в ответ нарек ее Пятницей. Мы дружно расхохотались, хоть на минуту позабыв про все наши невзгоды.

* * *

– Станислав Андреевич!

Стае вздрогнул, очнувшись ото сна. Он умудрился задремать прямо за рабочим столом, свесив голову набок. Бессонная ночь давала о себе знать. Благо с утра на работу заступил его сменщик, и теперь уже он отдувался перед постояльцами гостиницы, располагавшейся в нижней секции комплекса, которые то и дело буквально пачками вываливались прямо с вещами с лестницы и с ходу закатывали обязательный скандал.

Дежурившие у входа автобусы оперативно развозили их по другим отелям, где администрация «Айсберга» оплачивала им размещение и все расходы, но пошуметь требовалось непременно. Еще бы! Заплатить кучу денег за проживание в самом престижном гостиничном комплексе города и получить в итоге темень, холод и плавающее в унитазе вчерашнее дерьмо. Тут любой возмутится.

– А? Что? – Стае помассировал затекшую шею, которая теперь противно ныла, издавая пугающий хруст при каждом движении, – который час?

– Полтретьего, – сориентировал его техник, и на всякий случай уточнил, – эм-м-м, четырнадцать тридцать.

Царивший во внутренних служебных помещениях однообразный холодный полумрак, едва рассеиваемый фонарями, что притащили спасатели, не позволял определить, что сейчас происходит снаружи – еще светит солнце, или уже наступила ночь.

– Что-то случилось? – с трудом сфокусировав еще мутный взгляд на лице инженера, Стае увидел, что тот явно встревожен.

– Электрики подключили временное питание, но у лифтеров возникли какие-то проблемы, и они просят Вас подойти.

– Меня? А Антон?

В ответ техник только вздохнул, кивнув головой в сторону стойки, где дежурного коменданта, похоже, уже собирались линчевать.

– Ему и без того тяжело. А Вы здесь с самого начала заварухи и лучше представляете положение дел, да и руководство велело по всем вопросам именно к Вам обращаться.

– С этого бы и начинал, – Стае с кряхтением выбрался из кресла, – пошли.

В переполненной диспетчерской пришлось не только проталкиваться к постам операторов сквозь кучу неизвестно откуда набившегося народу, но и внимательно смотреть под ноги, чтобы не запутаться в мешанине проложенных наспех проводов. Максимальная концентрация публики наблюдалась в углу лифтеров, и Стасу пришлось изрядно постараться, чтобы пробиться к ним.

– Что стряслось? – он вынырнул из-под чьего-то локтя над самым ухом у дежурного.

– Мы не можем запустить шаттлы, Станислав Андреевич, – тот беспомощно развел руками.

– Почему?

– Кто-то отключил их непосредственно из верхнего машинного отделения. Отсюда я ничего сделать не могу.

– Как это – отключил? – спросонья у Стаса еще не все извилины встали на место, – из-за перебоя с питанием сработала какая-то защита?

– Да нет же! Все системы в норме! Просто какой-то гад пробрался к силовому щиту на «янтарной» перемычке и дернул за рубильник!

Оператор поднял на Стаса полный недоумения взгляд. Происходящее полностью выбило его из колеи. В тот самый момент, когда, казалось, проблема решена, и жизнь мало-помалу начинает налаживаться, его, что называется, срезали на взлете.

– Ладно, понятно, – комендант старался говорить спокойно и рассудительно, – какой из шаттлов, говоришь, у нас так отключился?

– Все! Все четыре, Станислав Андреевич!

– Быть может, один из жильцов? – пророкотал у Стаса над ухом рослый полицейский, присланный следить за порядком после разгона демонстрантов, – Искал, почему свет отключился, ну и забрел в темноте случайно, подергал за выключатели разные.

– Это технический этаж с ограниченным доступом, – комендант не столько объяснял, сколько проговаривал вслух свои собственные рассуждения, – там стальные двери с несколькими уровнями защиты. Проникнуть туда *случайно* абсолютно невозможно!

– Вы хотите сказать, что некий злоумышленник отключил лифты *намеренно*!? Но зачем!?

– Хороший вопрос! И для того, чтобы на него ответить, необходимо туда попасть.

– Можно взять аэротакси, – предложил оператор.

– У меня есть предложение получше, – Стае обернулся к полицейскому, – вызовите нам вертолет. Слетаем, посмотрим, что там к чему.

– Здравсьте! – фыркнул тот, – мы вам что, извозчики!? Вы меня перед Управлением дураком выставить хотите?

– Мне нужен не столько вертолет, сколько группа поддержки, – комендант запустил руки в растрепанную шевелюру, как будто пытаясь удержать свою голову от неминуемого взрыва, – вся эта история начинает скверно пахнуть, и я уже не знаю, какой пакости ожидать в следующую секунду. Надо быть готовыми к любому повороту.

Полицейский вертолет прибыл спустя полчаса. Он приземлился на площадке, расположенной над центральным холлом, и импровизированный отряд, состоящий из Стаса, Давида – лейтенанта полиции, что командовал силами, выделенными на поддержание порядка в «Айс-берге» и вокруг него, а также лифтового техника и еще трех полицейских, приданных им на всякий случай, направился на посадку. В центральном Управлении их опасения насчет проис-

ходящего в небоскребе восприняли с изрядной долей скепсиса, и Давиду пришлось приложить определенные усилия, чтобы донести до руководства всю серьезность ситуации.

Им позволили взять с собой только табельное оружие, не без ехидства напомнив, что администрация комплекса никогда не упускала случая похвастать самой совершенной системой безопасности, исключаяющей возможность проноса оружия в здание, а потому они вряд ли столкнутся с серьезным сопротивлением. Особенно с учетом того факта, что все обитатели «Айсберга» – люди, прошедшие Психокоррекцию, и на противозаконные действия не способны по определению. Тем более на агрессию в отношении представителей власти.

В их словах, несомненно, присутствовала некоторая логика, но спокойней Стасу от этого не стало. Он даже попросил у Давида еще один бронежилет для себя, и теперь никак не мог его толком отрегулировать, поскольку его тощее тело вертелось в нем как в пустом бочонке, отчего жилет при резких поворотах съезжал набок, а во время ходьбы подпрыгивал на каждом шаге, так и норовя ударить по подбородку.

При виде предоставленной им машины Давид только обреченно вздохнул.

– Я так и знал, что они нам это ведро с пропеллером пришлют, – буркнул он недовольно.

– А что с ним не так? – Стае шагал рядом с ним, прикрываясь рукой от поднятого лопастями ветра.

– Да ему уже лет двадцать, если не больше! Они его специально держат, чтобы таким вот образом доносить до проштрафившихся сотрудников свое недовольство. Летать на нем – это что-то вроде наказания.

– И кого они тут наказывают? Нас, что ли?

– А кого же еще? – Давид дернул за ручку, отодвигая в сторону скрипучую дверь, – я же сразу Вам сказал – берите аэротакси. И мне хлопот меньше, да и Вы не оглохнете по дороге.

Так или иначе, но выбирать не приходилось, а потому их команда забралась в салон, рассевшись по облезлым сиденьям. Наслушавшись стенаний лейтенанта, Стае даже отыскал забившийся в щель ремень и пристегнулся.

– Ну что, куда летим? – поинтересовался пилот, обернувшись к ним.

– Вообще-то нам нужно попасть на 251-й этаж, – отозвался Стае, так как именно он затеял эту операцию и теперь на него повесили всю координацию, – но посадочные площадки есть только на 200-м и на 300-м этажах. Так что нам в любом случае придется топтать ногами пятьдесят этажей. Надо только решить – вверх или вниз.

– По-моему, ответ очевиден, – простонал Давид, который, судя по его комплекции, должен был ненавидеть лестницы во всех мыслимых вариантах и воплощениях. Перспектива скакать по нескольким сотням ступенек окончательно повергла его в пучину уныния, – нет, чтобы заранее предупредить!

– Тогда поднимаемся на самый верх, – согласился Стае, – а если нам удастся все наладить, то вниз мы сможем спуститься на лифте.

– Понял. Ну, поехали! – пилот щелкнул несколькими тумблерами и взялся за штурвал.

Мотор загудел громче, машина чуть качнулась и оторвалась от земли, начав плавно подниматься вертикально вверх. Мимо заскользил зеркальный фасад «Айсберга», холодно и невозмутимо поблескивающий в бледном свете хмурого осеннего дня. Сейчас здание выглядело совершенно обыденно, в отличие от жуткой антрацитово-черноты, что окутывала его ночью. Ни ярко освещенных офисов, ни рекламных проекций, ни декоративной подсветки. Отдельные мелькавшие в окнах искорки только подчеркивали и оттеняли его холод и безжизненность.

Интересно, хоть кто-нибудь обратил внимание на необычный вид главной городской доминанты, превратившейся из сверкающей хрустальной скалы в кусок угля? Стае сегодня не успел ознакомиться с новостными выпусками, но, судя по отсутствию толп журналистов

перед подъездом, проблемы с энергоснабжением «Айсберга» никого особо не взволновали. Возможно, так оно и к лучшему. Только досужих охотников на сенсации им тут не хватало!

Даже на вертолете подъем на верхние этажи занимал весьма существенное время. Что уж говорить о том, чтобы проделать этот путь пешком. Не удивительно, что отлученные от всех благ жильцы тянули до последнего, прежде чем решиться на спуск вниз по темным пожарным лестницам, ежесекундно рискуя оступиться и свернуть себе шею. И чем выше они обитали, тем дольше терпели, прежде чем решиться на такой шаг. Антон сказал, что пока здание покидали только постояльцы гостиницы, занимавшей нижние уровни. С этажей выше пятидесятого, «рубинового» уровня, беженцы пока не появлялись.

Стае провожал взглядом проплывавшие за окном нескончаемые уступы, проемы и крытые переходы, соединявшие соседние секции. У него никогда ранее не было возможности рассмотреть «Айсберг» с такого ракурса, и быть может только сейчас он смог в полной мере почувствовать все величие, всю грандиозность циклопического сооружения.

Пробившись через пелену низкой облачности, вертолет вырвался к самой вершине здания, ярко освещенной солнцем.

– Ну вот, мы почти на месте, – объявил пилот, закладывая плавный вираж над пятачком вертолетной площадки, – садимся?

– Да, разумеется! – с облегчением отозвался Стае, наклонившись в проход. Привычный подъем на лифте представлялся ему куда более комфортным и безопасным...

Все табло на приборной панели в кабине вдруг дружно погасло, двигатель вертолета закашлялся, теряя обороты, и машину резко поволокло вбок.

– Держитесь! – крикнул пилот, лихорадочно дергая за тумблеры и рычаги, – управление отказало... попробую на резервной системе...

Он вцепился руками в штурвал и навалился на него, словно на руль угодившего в шторм баркаса. Неуправляемо вращающийся вертолет снова нырнул в облака, устремившись к земле с все возрастающей скоростью.

С каким-то отстраненным оцепенением Стае смотрел, как за окном головокругительной каруселью мелькают, сменяя друг друга, проносящиеся мимо зеркальные стены «Айсберга» и виды подернутого дымкой города. Происходящее воспринималось как дурной сон, как нечто, наблюдаемое со стороны. Это не могло быть реальным!

Двигатель завыл на более высокой ноте, и вращение начало постепенно замедляться, хотя машина все еще продолжала нестись к земле.

– Давай же, давай! Тяни, родимая! – умоляюще воскликнул пилот, сражаясь с взбесившейся техникой.

Вертолет затрясло, как в припадке, выбрасывая из кресел тех пассажиров, что не потрудились пристегнуться. По салону полетели сумки, каски и прочие личные вещи, добавив картине фантазмагоричности.

Тем не менее, словно вняв мольбам пилота, скорость падения начала снижаться, предоставляя возможность хотя бы выбрать место, где разбиться.

– Вон там! – крикнул Давид, ткнув пальцем в окно, – лужайка перед больницей!

– Вижу, вижу! – прокряхтел пилот, – дотянуть бы...

Вихляя из стороны в сторону и выписывая в воздухе пьяные зигзаги, вертолет спикировал на зеленый пятачок, едва не зацепив верхушки деревьев. В самый последний момент он все же умудрился затормозить, буквально на секунду зависнув почти неподвижно, а потом грузно плюхнулся на газон. Вращающиеся лопасти хлестнули по розовым кустам, взметнув фонтан измельченной зелени, машина еще раз качнулась и, наконец, встала на опоры.

Несколько секунд, пока стихал вой мотора, никто не шевелился, осторожно осмысливая случившееся. Понимание того, что все они только что находились на волосок от гибели, и спас-

лись только каким-то невероятным чудом, пришло не сразу. Для полного осознания подобных вещей требуется время, и немалое.

– Нам крупно повезло, что в этой машине есть резервная гидравлическая система управления. За что я ее и люблю, – пилот с явным трудом разжал пальцы и отпустил штурвал, – в современных моделях от нее отказались, и сейчас нас уже собирали бы в черные пакетики.

– Извини, что ворчал на тебя, – Давид, извиняясь, провел рукой по стене, – спасибо, малышка!

– Надо бы доложить, – двигаясь медленно, как сомнамбула, пилот вытащил из кармана телефон и уставился на него, – черт! Сдох, что ли!? Эй, кто-нибудь, позвоните в Управление, надо же отчитаться об инциденте.

Стае достал свой, но быстро выяснил, что и его коммуникатор не подает никаких признаков жизни. В его взвинченном до предела мозгу вспыхнула ужасная догадка, мгновенное озарение, предельно ярко высветившее весь чудовищный масштаб разворачивающейся катастрофы.

– ...!!! – выругался он, с некоторым удивлением катая на языке давно позабытые ругательства, – ..., ...!!! ...!

– Что такое? – обернулся к нему Давид.

– Похоже, все обстоит гораздо хуже, чем мы думали!

– Почему?

– Телефоны.

– Что?

– Проверьте свои телефоны!

Быстрый осмотр показал, что у всех, кто находился в вертолете, коммуникаторы также оказались мертвы.

* * *

Рано или поздно это должно было случиться, и вот момент настал.

У нас закончилась вода.

В доме еще оставались различные жидкости – рассол в банке с маринованными огурцами, винный шкаф, несколько бутылок коньяка, но ничто из перечисленного не позволяло утолить жажду. Остатки сока мы допили за обедом. М-да, не стоило увлекаться яичницей, после нее всегда только сильнее пить хочется.

Все попытки выкинуть из головы мысли о воде приводили к обратному результату, заставляя думать о ней непрерывно. Чтобы хоть как-то отвлечься, мы с Кирой еще разок сходили на разведку в холл, но там все оставалось по-прежнему. Свет отсутствовал, лифты не работали, а вид банок с газировкой и пакетов с соком за стеклом отключенного торгового автомата не вызывал ничего, кроме раздражения.

– А почему бы нам не прогуляться до магазина? – подкинула идею Кира, – тридцать этажей туда-сюда – неплохая разминка для ног, по-моему.

– И что мы там будем делать? – неспособность жены порой заглянуть даже на шаг вперед порой здорово меня удручала.

– Купим чего-нибудь попить, да и пожевать тоже.

– А как ты предполагаешь расплатиться?

– Но... – ну наконец-то до нее дошло! – можно попробовать взять в долг, а расплатиться потом.

– В долг? У кого? У кассового аппарата?

Ближайший магазинчик на «янтарном» этаже, который имела в виду Кира, являлся полностью автоматическим, и живых людей, с кем можно было бы попробовать договориться, там не было. А железяки, да еще обесточенные, обычно глухи к слезным мольбам.

– Может, хоть у соседей спросить? – предложила Кира, глядя на то, как я с тоской рассматриваю безжизненную витрину.

– «Подайте с дороги водицы напиться?» – я помотал головой, – вот ведь позорище! Увольте, это без меня.

– Ладно, терпи дальше, если хочешь. А я все же пройдусь, поспрашиваю.

Она направилась дальше по коридору, а я вернулся в пустую, темную и холодную квартиру, гадая, что именно убьет нас раньше – жажда, голод или смертельная скука. Около часа назад вокруг «Айсберга» крутился полицейский вертолет, но никаких изменений не последовало. Даже информации новой не появилось, что бесило сильнее всего. Создавалось впечатление, что о нас попросту забыли.

Я еще раз попробовал напрячь мозг, вспоминая, где у нас еще могла сохраниться хоть капля живительной влаги и перебирая в уме известные способы получения воды при помощи подручных средств. Я же химик как-никак! Например, можно попробовать нейтрализовать уксус в рассоле от огурцов при помощи соды, но вот найдется ли у нас в доме сода? Я начал наугад заглядывать в шкафчики на кухне – всей готовкой тут занималась Роби, а потому я не имел ни малейшего понятия, что у нас и где лежит.

В процессе поисков я добрался до полки с напитками и задержался, рассматривая бутылки с коньяком. Меня все больше привлекала идея согревания изнутри, поскольку температура в квартире опустилась уже градусов до пятнадцати, и я начал уже ощутимо подмерзать, несмотря на то, что натянул на себя теплый свитер и вторую пару носков. Мне не нравилось заниматься возлияниями без особого повода, но угрозу неминуемой смерти от холода вполне можно таковым считать, как мне кажется.

За этими размышлениями меня и застала Кира, вернувшаяся из своей экспедиции с драгоценной добычей в виде мутноватой банки, до половины заполненной вроде бы чистой водой.

– Где ты это раздобыла!?

– У Клавдии, – Кира осторожно поставила банку на стол, отодвинув в сторону грязную посуду, что копилась еще со вчерашнего вечера, – она по старой привычке ее для полива своих цветов отстаивает.

– Хм. А она туда никаких удобрений часом не добавляла?

– Подумаешь, слегка позеленеешь и заколосишься немного – невелика беда, – усмехнулась жена, доставая чашки, – не волнуйся, вода чистая. Я пробовала. Тебе налить?

Оставшийся вечер прошел в тягостной и унылой атмосфере. Столкнувшись с дефицитом воды, мы теперь начали экономить буквально все – свечи, еду, оставшийся заряд мобильного... Сейчас темнело уже довольно рано, и мы просто лежали, забравшись прямо в одежде под два одеяла, обмениваясь редкими ничего не значащими фразами и тщетно пытаясь уснуть. Почему-то мы уже не ждали, что вот-вот снова подадут электричество, и строили свои планы исходя из того, что и завтра все останется по-прежнему.

Обстоятельства не оставляли особого выбора – нам следовало во что бы то ни стало выбираться из здания, поскольку дальнейшее существование в холоде, голоде и вони переполненного унитаза становилось попросту невыносимым.

* * *

Юлия остановилась в дверях, глядя на то, как ее отец играет с самым младшим членом семьи – своим внуком. Седовласый глава Клана Саттар, один из самых влиятельных людей в

мире, ползал на четвереньках по ковру, катая игрушечную машинку наперегонки с розовошким мальчуганом и сопровождая процесс соответствующими гудящими и рычащими звуками. При этом в приемной его вполне может уже битый час дожидаться какой-нибудь министр или сенатор, но их заботы – ничто в сравнении с необходимостью во что бы то ни стало выиграть клятую гонку у мелкого проказника.

Но нет, не в этот раз. Андрюшка лихо обошел деда на повороте и на полном ходу снес финишные ворота из плюшевых кубиков. Как и всегда.

– Ур-р-а-а-а! – заверещал он, отплясывая ритуальный танец победителя.

– Сынок, пора купаться! – Юлия вошла в детскую.

– Ну ма-а-а-м!

– А кто обещал побить мой рекорд по количеству пузырей?

Малыш запнулся. Новая идея мгновенно вытеснила все прежние, и он пулей вылетел из комнаты, на ходу стягивая с себя рубашку.

– Уф! Укатали Сивку крутые горки! – дед устало сел на ковер, утирая пот со лба, – что-то совсем загонял он меня сегодня.

– Смотри, не надорвись, – по лбу Юлии пролегла озабоченная складка, – староват ты уже на деревянных лошадках скакать-то.

– Да ладно тебе, одна эта радость в жизни и осталась! – Александр умолк, заметив, что дочь не торопится уходить, и что в руке она держит свой рабочий планшет, – какие-то проблемы?

– Есть тут одна... *ситуация*, – она оглянулась, прислушиваясь к доносящимся из ванной плеску и визгу, – думаю, нам лучше пройти в кабинет.

– Как скажешь, – старик с кряхтением поднялся на ноги. Уж коли Юлия полагала, что вопрос лучше обсудить в конфиденциальной обстановке, то, скорее всего, дело обстояло действительно серьезно.

Если бы Александру лет десять назад кто-нибудь сказал, что его старшая дочь после ухода Рамиля займет в семейном клане пост начальника службы безопасности, он бы только рассмеялся. Но жизнь иногда выписывает такие замысловатые пируэты, что, оглядываясь назад, остается только дивиться, какими же наивными мы были. Даже сам Рамиль, чье пошатнувшееся здоровье уже не позволяло ему в полной мере выполнять свои обязанности, был вынужден признать, что в голове у Юлии шестеренки крутятся ничуть не хуже, чем у него самого. А за счет врожденной женской интуиции она иногда оказывалась даже на пару шагов впереди.

Так что когда она заявляет о некоей «ситуации», то, скорей всего, по отдельным обрывкам информации ей удалось выстроить тревожную картину, о которой пока еще никто не догадывается, но завтра-послезавтра о ней заголосят все. А ее долг именно в том и состоял, чтобы по возможности минимизировать негативные последствия, начав действовать уже *сегодня*.

Войдя в кабинет следом за отцом, Юлия плотно затворила дверь и, прежде, чем о чем-то говорить, удостоверилась, что окна затемнены, и система экранирования активна. Сам же Александр наблюдал за ней со странной смесью гордости и досады. С одной стороны, он не мог не порадоваться за свою смышленную девочку, столь многого добившуюся своим умом и упорством, а с другой – он уже давно втайне мечтал, чтобы его оставили в покое и дали провести остаток жизни в тишине и домашнем уюте. Возраст все же давал о себе знать. Но то, как дотошно Юлия проверяла систему безопасности, недвусмысленно намекало, что сегодня его мечте осуществиться не суждено.

– Ну, что там приключилось? – он опустил в массивное кожаное кресло за письменным столом.

– Вчера вечером в комплексе «Айсберг» в результате пожара произошло аварийное отключение электроснабжения, – его дочь осталась стоять, что только добавило нехороших предчувствий. Ее поведение свидетельствовало о том, что она и вправду серьезно обеспокоена

и внутренне напряжение не позволяет ей расслабиться, – восстановить его не удалось до сих пор. И целый ряд обстоятельств говорит о намеренном характере данной диверсии.

– «Айсберг»? – Александр напряг память, – это тот самый храм тщеславия и пафоса, что аж полтора километра высотой, если не ошибаюсь?

– Одна тысяча пятьсот двадцать восемь метров, если быть до конца точным.

– Происки конкурентов, небось? Каким боком их проблемы относятся к нам?

– Будь все так просто и прозрачно, я бы даже не почесалась.

– Да, я понимаю, извини, – разумеется, Юлия была права, а он лишь тщетно пытался оттягивать неизбежное, – давай-ка все по порядку.

– Если соблюдать хронологию событий, то следует начать с выступлений «чистых» против расширения прилегающего к «Айсбергу» закрытого кантона. Демонстранты начали собираться вчера в первой половине дня, а уже к обеду протесты переросли в серьезные беспорядки, сопровождающиеся погромами и битьем машин. Поскольку полиция оказалась не готова к такому развитию событий, хаос успел распространиться по весьма обширной территории, вплоть до грузового двора комплекса. Массовые поджоги баррикад вызвали возгорание на электроподстанции «Айсберга», что привело к полному отключению энергоснабжения здания. Отключилось все – освещение, подача воды, отопление, канализация, связь. Фактически все люди, что находились на верхних этажах, оказались отрезаны от внешнего мира и остались один на один с темнотой и холодом.

– Уже сутки прошли – что мешает восстановить подачу энергии?

– Оборудование получило серьезные повреждения, а его быстрая замена вряд ли возможна в силу целого ряда причин. Да и три выходных дня подряд плохо способствуют ускорению работ.

– Хорошо. Дальше.

– Электрики смогли наладить временную схему электропитания, и, чтобы дать жителям возможность покинуть обесточенное здание, администрация комплекса приняла решение запустить хотя бы лифты. Но вскоре выяснилось, что их работа заблокирована, причем блокировка осуществлена из технического помещения на верхних этажах.

– Занятно, – Александр заинтересованно наклонил голову. Картинка неожиданно заиграла новыми красками, однако все, что поведала Юлия пока никак не объясняло, при чем здесь их Клан.

– Желая разобраться в проблеме, – продолжила докладывать она, – комендант комплекса вызвал полицейский вертолет и с парой техников в сопровождении силовиков отправился на нем наверх, чтобы выяснить, что к чему.

– Похвальная предусмотрительность. И?

– До цели они так и не добрались. У вертолета отказала система управления, и только благодаря мастерству пилота машину удалось благополучно посадить. Никто не пострадал, – Юлия сверилась с планшетом и набрала в грудь воздуха, будто собираясь нырнуть в прорубь, – последующий осмотр показал, что на борту вертолета вышла из строя абсолютно вся электроника. Судя по всему, его *сбили* с использованием электромагнитного оружия. В настоящий момент из соображений безопасности воздушное пространство в радиусе километра вокруг «Айсберга» объявлено закрытой для полетов зоной. Непублично, разумеется.

– Вот как? – ее отец снова сел прямо. Обеспокоенность дочери начала передаваться и ему, – если я ничего не путаю, «Айсберг» – закрытый кантон, верно? «Чистым» на его территорию вход запрещен.

– Все верно. Сейчас как раз реализуется программа по расширению его границ, что и вызвало их недовольство.

– В том районе их не должно быть особо много. Там все больше солидная и обеспеченная публика обитает.

– Именно поэтому полиция и не ожидала столь массовых выступлений. Протестующих организованно собирали со всего города и из его окрестностей, все их действия, похоже, координировались из единого центра, прекрасно осведомленного о тактике сил правопорядка. Есть подозрение, что и поджог подстанции они организовали целенаправленно, не исключено, что именно она и была их основной целью.

– То есть бунтующие «чистые» на улице действовали сообща с кем-то, находящимся внутри?

– Похоже на то.

– Но кто, кто в здании мог пойти на явное преступление!? Там же все «пикированные» – жильцы, работники в офисах, обслуживающий персонал. Никто из них по определению не способен на правонарушение! А никого постороннего не должна пропускать многоуровневая система безопасности. Что и где пошло не так?

– Последние данные указывают на то, что злоумышленникам все же удалось найти уязвимое место в обороне «Айсберга».

– Выкладывай, – обреченно вздохнул Александр.

– Вчера днем служба доставки продуктов «Колобок» потеряла связь с одним из своих трейлеров, направлявшимся в комплекс. Они уведомили администрацию «Айсберга» о возникшей проблеме, но те заверили их, что машина благополучно прибыла на место и встала под разгрузку. Потом началась вся эта чехарда с пожаром, отключением энергоснабжения, и до грузовика никому не было дела, – Юлия снова заглянула в планшет, и отец понял, что сейчас речь опять пойдет о малоприятных вещах, – однако сегодня дорожная инспекция позвонила в «Колобок» и сообщила, что их потерявшийся трейлер нашелся и стоит на аварийной стоянке, не доехав нескольких километров до пункта назначения. Прибывшие техники подтвердили, что это та самая машина, что пропала накануне, а также порадовали, что с нее снят транспондер и карта с кодами доступа.

– Вот уж, действительно, счастья привалило, – буркнул старик, – то есть кто-то протасил на территорию «Айсберга» целый грузовик? И, надо думать, не пустой.

– Я предпочитаю исходить из наихудшего варианта. Так что да, скорее всего дело обстоит именно так.

– Но кто? Кому и зачем могло понадобиться городить весь этот огород!?

Юлия рефлекторно вновь потянулась к планшету, но в последний момент спохватилась и убрала его за спину, словно говоря: «Да-да, на самом деле все обстоит еще хуже».

– На данный момент у полиции нет ни единой существенной зацепки, кроме одного момента. По словам коменданта, протестующие, с которыми он столкнулся на заднем дворе «Айсберга», в разговорах между собой упоминали некоего «Гефеста».

Она умолкла, наблюдая за тем, как мрачнеет лицо ее отца. Именно это, последнее обстоятельство заставило ее прийти к нему с докладом об инциденте. Без данного финального штриха общая картина выглядела как тревожная, но бестолковая мазня дилетанта, в то время, как этот единственный росчерк превращал ее в леденящий кровь шедевр. И теперь происходящее грозило затянуть Клан Саттар, да и всю Лигу Корректоров в неприятности с головой.

Пауза затягивалась, и каждый взмах маятника старых напольных часов отдавался в ней все более гулким и угрожающим эхом.

– Знавал я одного «Гефеста», – медленно заговорил Александр, – и это – последний человек, о котором мне хотелось бы услышать в контексте сложившейся ситуации.

– Увы, но если мы по-прежнему исходим из наихудшего варианта развития событий...

– Полковник Семен Волочин.

– Боюсь, что да, – кивнула Юлия, – по моему запросу люди проверили все места, где он проживал или мог находиться, но обнаружить его нигде не удалось. Последний его след датирован утром пятницы.

– Значит, это действительно он.

– Но зачем Волочин это делает?

– Скорей всего, ответ кроется в его послужном списке.

– В каком из пунктов? – Юлия сверилась с планшетом, – Рязанское Десантное Училище? Участие в боевых действиях в ходе Второй Балканской Войны? Работа в парламентском Комитете по Обороне? Да, он давно и последовательно выступает против Психокоррекции, даже предлагал к рассмотрению соответствующий законопроект, но Волочин никогда не давал повода заподозрить себя в экстремизме. Прямолинейный, жесткий, порой грубый, но брать в заложники целый жилой комплекс!? Да, он там, идейный и ничем не ограниченный «чистый», среди толпы послушных пикированных теперь может резвиться, как лиса в курятнике, но зачем!? С какой целью!?

– Сбить вертолет с людьми – это, по-твоему, «резвиться»? – недовольно хмыкнул ее отец.

– Тем более непонятно! Он же тем самым отрезает себе путь к отступлению, идет ва-банк. Ради чего?

– Все ради того же – продемонстрировать обществу пагубность Психокоррекции. Все его предыдущие попытки потерпели неудачу, и теперь Волочин решился на крайние меры. Он в какой-то степени фанатик «чистоты», и сопутствующие издержки его мало волнуют. Для него цель оправдывает средства... и жертвы, если потребуется.

– Я все же не понимаю, каким образом захват «Айсберга» поможет ему в его затее?

– Трудно сказать, – Александр задумчиво помассировал лоб, – чтобы разгадать его намерения, мне потребуется более подробная информация. Пустых подозрений недостаточно. А потому ты завтра утром отправишься туда, чтобы разузнать все не месте.

– Ясно, – на лбу Юлии на секунду снова промелькнула озабоченная складка, но тут же исчезла. За годы работы она уже привыкла на ходу перекраивать свои планы в зависимости от меняющихся обстоятельств.

– Возьми с собой Тимура.

– Думаешь, все настолько серьезно?

– Ты забыла про сбитый вертолет?

– Ладно, хорошо.

– Я наделяю тебя Правом Руки. Ситуация может потребовать принятия срочных решений, и я не хочу, чтобы потребность согласовывать каждый чих мешала тебе работать. Тем не менее, по возможности держи меня в курсе происходящего.

– Да, разумеется, – на этот раз Юлия помрачнела уже более заметно. Уж если глава Клана расчехлил орудия, приготовившись при необходимости открыть огонь из всех стволов, значит дела, на его взгляд, складывались хуже некуда, – каковы мои первоочередные задачи?

– Вникнуть в ситуацию, попытаться вступить с Волочиным в переговоры, добиться освобождения заложников или хотя бы обеспечить их снабжение водой и всем самым необходимым. Люди не должны чувствовать себя брошенными в безвыходной ситуации, до них необходимо донести понимание, что их проблемами занимаются, и что скоро все наладится.

– Ты опасаясь чего-то конкретного? – Юлия не могла не обратить внимания на подчеркнутую заботу отца о положении заблокированных в здании жильцов.

– Я бы предпочел оставить свои страхи при себе, чтобы не накаркать ненароком, – Александр устало провел ладонями по лицу, – иначе вполне может статься, что Волочин – не лиса в курятнике, а пироманьяк, дорвавшийся до склада фейерверков.

* * *

Эдуард спустил босые ноги на пол и с чувством потянулся. Еще одно утро в маленьком земном раю, еще один день, похожий на все предыдущие как две капли воды.

Шлепая по теплым доскам, он прошел в ванную, где умылся и гладко выбрился, аккуратно обходя два небольших бугорка на шее. На веранде он накинул на плечи белоснежный халат и подсел к столу, где его уже поджидал изящно сервированный легкий завтрак.

Иногда он задавался вопросом, зачем соблюдать всевозможные нормы и приличия, коли на несколько сот километров вокруг нет ни одной живой души? Зачем каждое утро бриться, зачем носить одежду, тем более, что тропический климат вполне позволяет обходиться и без нее, зачем пользоваться ножом и вилкой и аккуратно промакивать губы салфеткой? Никто же не видит! Только механические слуги, но им-то какая разница?

И раз за разом он сам себе отвечал – чтобы не превратиться вновь в обезьяну. Именно поэтому Эдуард, помимо ежедневной тренировки тела в спортзале и пробежки вокруг острова, не забывал тренировать и свой мозг, то играя в шахматы с электронным противником, то изучая очередной язык, то упражняясь в живописи.

Вряд ли ему суждено прозябать здесь в гордом одиночестве вечно. Рано или поздно, но его время придет, и тогда он должен быть в полной готовности. Нельзя явиться пред миром, брошенным к твоим ногам, обрюзгшим, небритым и начисто позабывшим все хорошие манеры. А потому необходимо постоянно практиковаться, преодолевая лень и апатию. Сила воли также нуждается в регулярных упражнениях.

Сегодня с утра дул легкий ветерок с запада, а потому лагуна оставалась спокойной и чистой. Только вдалеке, на самой границе видимости виднелось пятнышко сторожевого катера, патрулирующего периметр охраняемой зоны. Ослепительно сверкающая на солнце гладь настойчиво манила поплавать в прозрачной лазури, и Эдуард не стал противиться ее зову. Он оставил халат на крыльце и направился к кромке воды, лениво облизывающей мелкий белый песок.

Примерно на полпути дорогу ему преградил охранный дрон, протягивающий сигнальный браслет. Сопrotивляться и спорить не имело смысла, а потому Эдуард послушно нацепил браслет на запястье и вошел в воду.

Отплыв от берега на сотню метров, он перевернулся на спину. Благодаря тихой и ясной погоде приповерхностный слой прогрелся почти до тридцати градусов, и тело практически не ощущало обволакивающей его воды, паря, словно в невесомости. Эдуард закрыл глаза, посетовав, что не прихватил темные очки, чтобы защититься от палящего солнца, и расслабился, всецело отдавшись на волю течений и волн.

Он выбросил из головы все мысли, позволив разуму точно так же насладиться покоем и уединением.

Однако в одиночестве он пребывал недолго. Вскоре Эдуард ощутил рядом с собой еще чье-то присутствие, еле заметное движение на самом краю сознания, как будто по его лицу скользнула тень от пролетевшей в вышине птицы. Он сфокусировался и прислушался, пытаясь опознать незнакомую ауру.

Жесткая, холодная, прямолинейная как балка монорельса – только одно существо в этих краях обладало подобной подписью.

Акула!

Эдуард сосредоточился, пристально изучая чужой разум. Его охватило невероятное возбуждение. Еще никогда ему не удавалось столь подробно рассмотреть мысли и чувства этой совершенной машины убийства. Он внезапно ощутил себя маленьким мальчиком, взирающим на незыблемую громаду египетских пирамид. Аж мурашки по коже пошли от осознания того, что этот мозг за последние несколько десятков миллионов лет почти не изменился, и прикосновение к нему сродни погружению в доисторические пучины.

Века и тысячелетия эволюции довели его до совершенства, отполировали до зеркального блеска, вытравив за ненадобностью все лишнее, оставив только безжалостно рациональ-

ную основу, восхитительную в своей лаконичности. Как выверенный до последнего винтика спортивный автомобиль, всецело посвященный одной-единственной цели – скорости, и в конструкции которого нет ничего постороннего и отягощающего. Ни климат-контроля, ни мультимедийной системы, ни дорогой отделки, и даже сиденье водителя – всего лишь обтянутый лентами каркас.

Затаив дыхание, Эдуард любовался прекрасным творением Природы, пока акула, привлеченная его пристальным вниманием к своей персоне, сама не обратила на него свой взор. Он буквально видел, как щелкают реле в ее мозгу, вычисляя соотношения между голодом, усталостью и привлекательностью добычи. Приняв решение, тварь изменила курс, начав описывать в глубине постепенно сужающиеся круги, неуклонно стягивающиеся к его покачивающейся на поверхности фигуре.

Браслет на запястье тревожно завибрировал, предупреждая об опасности. Подводный дрон обнаружил угрозу и приготовился при необходимости ее нейтрализовать. Раньше Эдуарда здорово раздражали эти электронные няньки, неотступно следующие за ним, куда бы он ни направился, и контролирующие каждый его шаг, но потом он свыкся с такой жизнью и воспринимал их как еще один каприз погоды. Повлиять ты на них все равно не можешь, а злиться – глупо.

Увы, но точно так же он не мог повлиять и на изготовившуюся к атаке рыбину. Сделав выбор, она становилась глуха к любым отвлекающим внешним факторам, как вылетевшая из ствола пуля. Соответствующие цепи в ее мозгу замкнулись накоротко и отменить запущенную программу просто невозможно. Никак. Акула непременно атакует, и дрон будет вынужден ее убить, чтобы защитить своего подопечного.

Они устроят самую настоящую свалку прямо у него под задницей, после которой Эдуарду придется выгребать к берегу, пробиваясь через хлопья кровавой пены и всплывшие куски разорванной рыбьей туши. Сомнительное удовольствие, честно говоря. Лучше до такого не доводить.

Печально вздохнув, Эдуард поднял руку и щелкнул пальцами, отправляя незадачливую хищницу в небытие.

* * *

Несмотря на раннее воскресное утро, творившееся в центральном холле «Айсберга» лучше всего описывалось словами «вавилонское столпотворение». Куча людей, которые галдели, размахивали руками и умудрялись бежать в разные стороны одновременно, образовывала невероятный хаос, навести порядок в котором представлялось абсолютно нереальной задачей. Да никто особо и не пытался, судя по всему.

Одно радовало – поблизости не наблюдалось ни одного пронырливого журналиста. Александр накануне постарался максимально доходчиво донести до всех причастных, что Лига будет крайне *недовольна*, если кому-то придет в голову трубить на весь мир о происходящем в «Айсберге».

С другой стороны, такого рода рекомендации только подогревали интерес к инциденту, автоматически повышая его значимость. Как ни крути, а Лига на пустяки не разменивается. И появление самой Юлии Саттар на месте событий лишь подливало масла в огонь любопытства, так что держать широкую публику в неведении долго вряд ли получится. Но, все равно, это позволяло выиграть немного времени, когда можно спокойно работать, не отвлекаясь на вспышки фотокамер.

Как только Юлия в сопровождении Тимура вошла в холл, вокруг нее немедленно образовалось свободное пространство, как будто невидимый барьер отталкивал от нее всех людей в радиусе нескольких метров. Да, массивная фигура перфекта за ее спиной выглядела откоро-

венно устрашающе, но все же главной причиной являлась она сама. А еще точнее – ее фамилия. Мало кому хотелось без особой нужды лишний раз пересекаться с высокопоставленным представителем Клана Саттар.

Подойдя к стойке коменданта, Юлия с некоторым удивлением обнаружила, что и вокруг него присутствует своего рода безлюдная зона, что выглядело довольно странно, поскольку именно этот человек невольно нес ответственность за все, что творилось в вверенном ему здании. Обложенный несколькими телефонами и рациями, осунувшийся и небритый, в измятом пиджаке, он выглядел откровенно несчастным, а в его ошалелом взгляде, который он поднял на подошедших гостей, явно читалось, что всем этим непрерывно звонящим телефонам он бы предпочел пистолет с одним патроном.

– О! Бл... – он запнулся, покосившись на Тимура, – блеск! Только вас мне здесь не хватало!

И вот тут Юлия откровенно растерялась, чего не случилось с ней уже очень давно. Такой бесцеремонной реакции на свое появление она совершенно не ожидала и на какое-то время просто застыла, спешно собирая разбежавшиеся мысли.

– Я – Юлия Саттар, – выдала она, наконец, надеясь все же вернуть диалог в привычное русло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.